

**Дневник
Алтайской Школы
Политических Исследований
N 1. Май 1996 г.**

**«Тоталитаризм и его преодоление:
актуальные уроки истории»
Материалы научно-практической
конференции («круглого стола»)**

Уважаемые читатели! Вашему вниманию предлагаются материалы «круглого стола», проведенного в Алтайском государственном университете 28 мая 1996 года. Основными организаторами конференции, в которой приняли участие в общей сложности более 40 человек, стали Алтайская Школа Политических Исследований (АШПИ), Алтайский государственный университет (АГУ) и общественно-политическое движение «Согласие».

Страница 1

Ю.Г. Чернышов, д.и.н., профессор АГУ, директор АШПИ Вступительное слово: Что такое «тоталитаризм»?

Уважаемые коллеги! В этом зале собрались люди самых разных возрастов и самых разных профессий. Здесь присутствуют ученые и политики, администраторы и журналисты, учащиеся и учителя. Среди собравшихся есть немало докторов и кандидатов наук, специалистов в области истории, политологии, экономики, права и других отраслей знаний. Все это дает основание полагать, что наше общее участие в «круглом столе» будет интересным и плодотворным. От имени Алтайской Школы Политических Исследований я приглашаю всех вас выступить сегодня в роли экспертов.

Наша Школа официально существует всего полгода, но за это время мы успели провести на телевидении и радио «круглые столы» по самым актуальным проблемам (об итогах выборов в Государственную Думу и о Чеченской войне); наши эксперты не раз выступали с оценками политической ситуации в различных средствах массовой информации. Вся эта работа была проделана без всякой спонсорской поддержки, на одном энтузиазме, что, мне кажется, может свидетельствовать о жизнеспособности нашей общественной организации, о ее приверженности определенным принципам. Мы видим свои цели в том, чтобы объединить либерально мыслящих людей, чтобы использовать имеющийся в крае научный потенциал для выработки выверенных политических решений, для защиты гражданских прав, для воспитания нового поколения политиков, обращенных не в прошлое, а в будущее.

Каковы основные цели проводимой нами конференции, и случайно ли мы собрались накануне президентских выборов? Конечно, это не совпадение: мы хотим привлечь внимание сограждан к теме преодоления тоталитаризма, чтобы их выбор был продиктован не сиюминутными эмоциями, а серьезными размышлениями о том историческом этапе развития, на котором находится сейчас Россия. Вопрос, по сути, состоит в том, вернемся ли мы к «холодной войне», к командно-административной системе или продолжим начатое нелегкое движение к международной интеграции, к рыночной экономике и правовому демократическому государству.

На политической арене России сейчас активно действуют и крайне левые, и крайне правые силы (т.е. разного толка коммунисты и националисты), общим для которых является призыв резко усилить государственный контроль и регулирование всех сфер жизни. Объективно эти силы выражают интересы привыкшей к администрированию советской номенклатуры — особого класса, который, как заметил еще Милован Джилас, являлся своеобразной партийно-бюрократической элитой тоталитарного строя. Однако ситуация осложняется тем, что в условиях еще не преодоленного кризиса социальная демагогия нередко падает на благоприятную почву. Многие люди разочаровались в реформах, поскольку их материальное положение ухудшилось, и терпение уже на исходе. А это вдохновляет «бывших» на попытку реванша.

Как заметил один из местных лидеров левых сил, на коммунистов сейчас работает нынешнее зло, поскольку оно вытесняет из памяти людей зло прежнее. Действительно, преступления тоталитарного режима все реже теперь вспоминаются теми людьми, которые сегодня не получают вовремя зарплаты и пенсии, которые сегодня опасаются отправки их сыновей в Чечню. Это свойство человеческой памяти активно используется коммунистической пропагандой, пытающейся внушить мысль, что ГУЛАГ не представлял из себя ничего особенного. Явно рассчитывая на всеобщее беспомыслие, Г.Зюганов в своих интервью заявляет: «Я рос после войны, и в мое время репрессий не было» (напомним: всего только 10 лет назад был возвращен из политической ссылки академик Андрей Сахаров!); и еще: «...Сегодня больше жертв репрессий в лагерях, чем при Сталине» (число сталинских жертв, к сожа-

лению, точно установить невозможно; многие историки — например, Р.Медведев, Дж.Хоскинг — считают, что без учета уголовников их было от 10 до 15 миллионов).

Тоталитарным идеологиям органически присущи ложь и демагогия; история в них воистину становится непредсказуемой. И если носители такой идеологии выступают, например, «за подлинное народовластие», то фактически это означает, что они добиваются отстранения народа от прямого участия в выборах (как это было, например, во время принятия противоречащего Конституции проекта Устава Алтайского края). К сожалению, тоталитарные традиции в нашем обществе еще настолько не изжиты, что к ним иногда обращается и исполнительная власть (начало Чеченской войны не случайно напомнило всем об Афганистане).

Так что же такое «тоталитаризм», наследие которого присутствует и в нынешней нашей жизни? Это отнюдь не только «культ личности Сталина», на который пытались списать все беды некоторые советские историки. Сам термин восходит к позднелатинскому слову *totalis* (весь, целый) и подразумевает всеохватывающий, тотальный контроль политического режима над обществом. Выражение «тотальная революция» встречается уже у К.Маркса, однако впервые термин «тоталитаризм» стал широко употреблять Б.Муссолини, который, кстати, до начала Первой мировой войны был одним из лидеров Итальянской социалистической партии. 28 октября 1925 года, формулируя принципы фашистского государства и «тоталитарной программы революции», Муссолини провозгласил свой важнейший принцип: «*Tutto nello Stato, niente al di fuori dello Stato, nulla contro lo Stato*» («Все в Государстве, ничто вне Государства, ничто против Государства»).

С тех пор термин стал все более широко употребляться для обозначения фашистских, а затем и коммунистических режимов. Справедливости ради надо отметить, что существует немало различий между «коричневой» и «красной» ветвями тоталитаризма. Так, если фашизм объявляет подлежащими уничтожению отдельные народы или расы, то коммунизм подразумевает уничтожение отдельных социальных групп и классов. Если национал-социалисты в идеале видят господство «высшей расы», то коммунисты объявляют своей целью всеобщее равенство (современные зюгановцы, впрочем, многое позаимствовали у «правых»). Если «коричневая» ветвь тоталитаризма в основном была сломлена военным путем (в ходе Второй мировой войны), то «красная» ветвь пережила еще период естественного увядания, причем последние засыхающие «листки» на этой ветви (такие страны, как Северная Корея и Куба) мы можем наблюдать еще и сегодня.

При всех этих различиях ученые отмечают, однако, массу принципиально сходных признаков. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить встречающиеся в литературе характеристики тоталитаризма. На наш взгляд, комплекс признаков «зрелого» тоталитаризма предельно кратко можно описать так: 1) насаждение в обществе квазинародной и квазирелигиозной идеологии, которая претендует на абсолютную истину, которая провозглашает необходимость ломки старого порядка, уничтожения «врагов» (определенных этнических или социальных групп), полной мобилизации всех сил для «рывка», для скорого достижения утопической цели; 2) легальное применение террора для подавления инакомыслия и оппозиции, для возможно большей унификации индивидов и использования их в соответствии с целями официальной идеологии; 3) бюрократизация общества, установление жесткого контроля над экономикой, политикой, средствами массовой информации и культурой; 4) подчинение бюрократического аппарата дисциплинированной, иерархически организованной партии «нового типа», которая фактически срастается с государством; 5) подчинение этой партии могущественному харизматическому лидеру («дуче», «фюреру», «вождю» и т.п.), в почитании личности которого проявляется культ власти.

Ближайшим историческим прототипом тоталитаризма следует признать, по-видимому, азиатский деспотизм, элементы которого в XX в. синтезировались с достижениями техники (вспомним меткое определение Сталина — «Чингисхан с телефоном»). К этому следует до-

бавить широкое распространение революционных теорий, основанных на идеях утопического социализма, а также применение новейших средств манипулирования обществом. История показывает, что тоталитаризм получил развитие в странах с еще неукоренившимися демократическими традициями, сохранившимися феодальными пережитками. Его объективная роль заключалась в попытке обеспечить форсированное догоняющее развитие таких стран за счет максимальной и беспощадной мобилизации всех материальных и человеческих ресурсов. Однако этот эксперимент, стоивший многим народам колоссальных жертв и лишений, в конечном счете оказался безуспешным.

Подавив свободу и инициативу личности, тоталитаризм оказался не способным обеспечить такие темпы развития, которые были заданы демократическими государствами во второй половине XX в. В результате «соревнование двух систем» оказалось полностью проигранным. Страны с демократическим строем и рыночной экономикой вновь вырвались далеко вперед, при этом во многом воплотив в жизнь все те социалистические лозунги, которые в тоталитарных государствах оставались лишь утопическими призывами.

Если мы вдруг снова решим опираться на тоталитарные традиции, тогда, используя образное сравнение одного политика, мы вновь уподобимся бурлакам, толкающим против течения реки огромный корабль. Номенклатура, желающая стать «рулевым», так и не захотела понять, что кораблю давно нужен мощный современный двигатель: никакие мускульные усилия и «рывки» уже не помогут. Поэтому только благодаря выбору россиян в пользу рынка и демократии наш государственный корабль, имеющий на борту самые богатые в мире ресурсы, сможет обеспечить уверенное движение вперед.

Возможна ли сейчас в России хотя бы кратковременная и частичная реставрация тоталитаризма? Каковы те средства, с помощью которых преодолевается тоталитаризм? Я надеюсь, что эти и другие немаловажные вопросы мы еще обсудим с вами на сегодняшнем заседании.

В.И. Киселев, д.м. н. проф., директор НИИ региональных медико-экологических проблем, руководитель общественно-политического движения «Согласие»
Тоталитарное мышление

Проблема преодоления тоталитаризма — самая серьезная проблема, стоящая перед нами при создании гражданского общества. Здесь нам более всего мешает тоталитарное мышление. Я не уверен, что такое мышление существует только у бывших работников партаппарата, у сегодняшних чиновников. Мне кажется, что тоталитарным мышлением заражены мы все, по крайней мере те из нас, кому больше 25 лет. Ликвидация индивидуального тоталитарного мышления — это задача на ближайшие 30–40 лет, если мы хотим построить гражданское общество и жить в демократическом государстве.

Хочется привести два простых примера, которые показывают, что каждый из нас сталкивался с проблемами тоталитарного мышления. Например, Л.Берия в августе 1949 года приехал на Семипалатинский полигон, чтобы присутствовать при первом испытании атомной бомбы. В день взрыва поднялся ураганный ветер, и все ученые во главе с А.Курчатовым сказали, что испытания проводить нельзя, но Берия дал приказ взрывать. Последствия ядерных испытаний 1949 года испытываем на себе все мы. Это типичный пример тоталитарного мышления. Или возьмем А.Сахарова. Андрей Дмитриевич, 1953 год, молодой человек еще. Ядерная бомба, которую взорвал Берия, была «всего» 20 килотонн. А Сахаров взрывал термоядерную бомбу почти в 500 килотонн. Людей из эпицентра взрыва отселили, но через 6 часов тут же вернули. Это тоже типичный пример тоталитарного мышления. Сначала думаем о безопасности страны, а потом — интересы человека. И вот какой путь прошел Сахаров — от молодого человека с тоталитарным мышлением до выдающегося гуманиста XX века. И такой путь предстоит пройти каждому из нас.

Мы с начала перестройки начали потихонечку пытаться искать пути преодоления тоталитарного мышления. Где-то эти попытки были правильные (например, свобода слова). Но были и перегибы в нашей борьбе с тоталитаризмом внутри нас: так, внедрение демократии на производстве резко ослабило дисциплину. Здесь стали путать сферу социально-экономических отношений со сферой производственных отношений. Чтобы понять, что это разные сферы, потребовалось 3–4 года.

Почему я считаю основной задачей борьбу с тоталитарным мышлением? Дело в том, что иногда мне самому хочется ПОКОМАНДОВАТЬ в нашем движении «Согласие». А там эти тоталитарные приемы не проходят. И думается, чем больше будет общественных движений, профессиональных ассоциаций, где люди свободны в своих действиях, в выражении своего мнения, тем быстрее мы построим гражданское общество, тем быстрее мы преодолеем тоталитарное мышление, которое сидит внутри нас.

Приложение

Что такое «тоталитаризм»?

Изгнанный из Советской России «за непризнание советской власти» крупнейший русский философ И.А. Ильин (1883–1954 г.) писал: «Что же такое тоталитарный режим? Это есть политический строй, беспредельно расширявший свое вмешательство в жизнь граждан, включавший всю их деятельность в объем своего управления и принудительного регулирования. (...) Тоталитарное государство есть всеобъемлющее государство. Оно отправляется от того, что самостоятельность граждан не нужна и вредна, а свобода граждан опасна и нетерпима. Имеется единый властный центр: он призван все знать, все предвидеть, все планировать, все предписывать».

* * *

Согласно определению, которое предложили К.Фридрих и З.Бжезинский в работе «Тоталитарная диктатура и автократия» (1956 г.), тоталитаризм — такой тип общественного устройства, который отличается от демократии и авторитаризма следующими признаками:

- 1) политическая система опирается на тщательно разработанную идеологию, которой пронизаны все сферы жизни общества;
- 2) существует единственная массовая партия, членство в которой открыто лишь небольшой части населения. Партия обладает олигархической структурой и либо переплетается с государственной бюрократией, либо контролирует ее;
- 3) управление осуществляется посредством системы террора, направляемой партией и тайной полицией;
- 4) средства массовой информации находятся под жестким контролем властей;
- 5) средства вооруженной борьбы монополизированы партией и правительством;
- 6) последние контролируют также экономическую жизнь.

* * *

Французский ученый Р.Арон в книге «Демократия и тоталитаризм» (1965 г.) выделил следующие основные признаки этого явления: 1. Тоталитаризм возникает в режиме, предоставляющем какой-то одной партии монопольное право на политическую деятельность. 2. Эта партия имеет на вооружении (или в качестве знамени) идеологию, которой она придает статус единственного авторитета, а в дальнейшем — и официальной государственной истины. 3. Для распространения официальной истины государство наделяет себя исключительным правом на силовое воздействие и на средства убеждения. Государство и его представители руководят всеми средствами массовой информации — радио, телевидением, печатью. 4. Большинство видов экономической и профессиональной деятельности находятся в подчинении государства и становятся его частью. Поскольку государство неотделимо от своей идеологии, то почти на все виды деятельности накладывает свой отпечаток официальная истина. 5. В связи с тем, что любая деятельность стала государственной и подчиненной иде-

ологии, любое прегрешение в хозяйственной или профессиональной сфере сразу же превращается в прегрешение идеологическое. Результат — политизация, идеологизация всех возможных прегрешений отдельного человека и, как заключительный аккорд, террор, одновременно полицейский и идеологический».

* * *

Авторы словаря-справочника «Записная книжка политолога» (1992 г.)

М.С. Вершинин и А.Е. Хренов отмечают, что тоталитаризм — это «современная разновидность авторитаризма, при которой государство контролирует почти все аспекты жизни личности. (...) К родовым признакам тоталитаризма относят: 1. наличие единственной массовой партии, возглавляемой харизматическим лидером, фактическое слияние партийных и государственных структур при тоталитарном режиме выражает понятие «партия-государство» («государственная партия»); 2. монополизация и централизация власти: политические ценности (власть, подчинение ей, лояльность по отношению к «партии-государству») становятся первичными в сравнении с другими ценностями (материальными, религиозными, эстетическим и др.) в мотивации и оценке человеческих поступков; исчезает грань между политическими и неполитическими сферами жизни, вся жизнедеятельность регламентируется, формирование органов власти на всех уровнях осуществляется через закрытые каналы бюрократическим путем; 3. монопольное господство официальной идеологии, которая должна признаваться всеми; она порождает и поддерживает теории и мифы (...) о мире, обществе и человеке, стремясь их навязать, внушить через все средства массовой информации, обучения, пропаганды, как единственно верный, истинный способ мышления; (...) духовная атмосфера общества отличается фанатической нетерпимостью к другим мировоззрениям; 4. система физического и психологического террора (реализуется принцип: разрешено то, что приказано властью, все остальное запрещено)».

* * *

М.Н. Филатова и А.С. Светенко в учебном пособии «Политология» (1996 г.) выделяют следующие признаки, присущие тоталитаризму как с правым («национал-социализм»), так и с левым («коммунизм») уклонами: 1. всеобщая официальная идеология; 2. «фюрерство», «вождизм» и монополия одной партии, аппарат которой дублирует исполнительные органы власти; 3. жесткий централизованный контроль над экономикой; 4. организованный террор как средство принудительного установления «идеального» общественного устройства.

* * *

Адольф Гитлер в 1936 г. говорил: «...между нами и большевиками больше сходства, чем различий... Я всегда принимал во внимание это обстоятельство и отдал распоряжение, чтобы бывших коммунистов беспрепятственно принимали в нашу партию... Национал-социализм — это то, чем мог бы стать марксизм, если бы освободился от своей абсурдной искусственной связи с демократическим устройством».

* * *

Наместник Гитлера на Украине Эрих Кох заявил в 1942 г.: «По нашим сведениям, население оккупированных областей начало самовольный раздел земли. Военным комендантам следует прекратить раздел. Вся земля принадлежит рейху, и наша задача — как можно лучше ее использовать для снабжения продовольствием армии и тыла. Для этого лучше всего использовать довоенные большевистские формы труда (колхоз, совхоз), где русские призывали работать бесплатно или только за еду...».

Страница 2

А.Н. Сарычев, государственный советник юстиции 2 класса, начальник управления Министерства юстиции РФ Эволюция судебной системы в России

Среди широкого спектра проблем, которыми занимается в настоящее время юридическая наука, особое место принадлежит проблеме взаимоотношения власти и права. В наследство от недавнего прошлого нам досталась одна весьма распространенная идея об обусловленности правовой материи велениями государства, которое, как утверждалось, в соответствии с общей волей народа творит право и определяет и содержательную, и формальную стороны этого социального феномена. Подобное очень хорошо вписывалось в общую идеологическую схему того времени, когда власть находилась в безраздельном обладании единственной политической партии. Следовательно, движение юридических реформ, перестраивающих сейчас российское правосудие, возвращает нас и к несправедливо отвергнутому отечественному опыту в данной области, и к современным европейским образцам государственного устройства. Именно таков смысл принятых законодательных актов, направленных на совершенствование всей судоустройственной системы страны и на повышение статуса судей. Реформы должны превратить суд в эффективно действующий инструмент защиты тех социальных, экономических и политических прав человека, на которых построены сейчас взаимоотношения государства и общества во всех странах с развитыми демократическими традициями. Суд призван стать органом, с помощью которого можно успешно контролировать, насколько деятельность государственного механизма обеспечивает названные права, и поставить тем самым данный механизм на службу интересам отдельно взятой личности и всего общества в целом. Подобная взаимозависимость труднодостижима, однако она в состоянии гарантировать естественное поступательное движение государства и общества по пути социального прогресса.

Суд — гарант индивидуальной свободы от посягательств на нее со стороны различных субъектов действующей в государстве правовой системы. Современные реформы активно перестраивают в указанном направлении обе традиционные области правосудия: уголовное и гражданское. Сложившаяся за много лет система судоустройства и судопроизводства по уголовным делам очень хорошо иллюстрирует взаимное соотношение государственного и общественного начал в отправлении этого вида судебной деятельности. Имея своим предметом наиболее опасные из противоправных деяний, посягающих на общественный строй, политическую и экономическую системы, права и свободы граждан и весь правопорядок в целом, уголовный процесс оказался полностью огосударствлен. Власть парализовала, по существу, любые возможные способы воздействия общества на данную ветвь правосудия. В подобных условиях центр тяжести всего процесса переместился на стадию предварительного следствия, выводы которого, изложенные в обвинительном заключении, очень часто предрешали суть и смысл судебного приговора. Обнаружил свою неэффективность и еще один канал общественного воздействия на уголовный процесс — через функции защиты прав и интересов привлекаемых к уголовной ответственности лиц. Сейчас наметились пути преодоления всех принципиальных пороков и судебной процедуры, и всего уголовного процесса в целом. Уже не вызывает сомнения тот непреложный факт, что деятельность суда должна быть свободна от любого политико-идеологического диктата; судьи во время выполнения своих служебных обязанностей не могут состоять ни в каких организациях, преследующих политические цели. Неотъемлемым элементом российской правовой системы должна стать в обозримом будущем такая проверенная цивилизованным опытом форма организации правосудия по уголовным делам, как суд присяжных заседателей. А пока он введен в девяти регионах России, в т.ч. и на Алтае, и планируется с 1997 года еще в 12-ти субъектах РФ. С ее

внедрением повсюду в РФ произойдет реальный переход этой важнейшей функции от государства к обществу, полномочные представители которой, отделенные в организационном отношении от профессиональных судей, призваны будут решать самый главный вопрос уголовного процесса — вопрос о виновности привлекаемого к ответственности лица.

Другая традиционная отрасль судебной деятельности — правосудие по гражданским делам — также претерпела серьезную внутреннюю эволюцию. Ее общее направление было предопределено особенностями правового регулирования материальных отношений имущественного характера, находившихся, в свою очередь, в тесной зависимости от проводившейся государством экономической политики. Эта политика с самого начала преследовала цель — реформировать базис общества на новых — социалистических — принципах, причем, достигнуть ее предполагалось путем полного изгнания из хозяйственной жизни страны частного предпринимательства. Возвращение к началам рыночного хозяйства должно реформировать как имущественные права участников экономических отношений государства, так и процедуру судебной защиты названных прав. Реабилитация институтов частной собственности и предпринимательства должна привлечь за собой соответствующие новеллы, связанные с расширением объективного состава права собственности, с совершенствованием полномочий его субъектов, со всемерным развитием правового регулирования отношений обязательно-правового характера и т.п. Это и развивают сегодня принятые в целом первая и вторая части ГК РФ.

Одновременно с перестройкой традиционных ветвей правосудия идет процесс распространения судебной власти и на другие области социальной жизни, создаются принципиально новые для нашей правовой системы органы, обладающие юрисдикционными полномочиями. Характерным примером в этом смысле является такой орган, как Конституционный суд. В механизме государства должен, таким образом, существовать контрольный орган, призванный следить за тем, насколько правотворчество соответствует Основному закону государства.

Объективный процесс развития конституционного контроля привел в конечном счете к возникновению Конституционного суда, с созданием которого функция высшего надзора за соответствием нормотворчества и правоприменительной практики Основному закону государства перешла в ведение судебной власти. Правовое положение Конституционного суда характеризует его именно как властный орган. Законодатель придал его деятельности все необходимые атрибуты правосудия, включая известные принципы коллегиального разрешения подведомственных ему дел, гласности, устности, национального языка судопроизводства, а также наделил его судебским иммунитетом. Решения Конституционного суда, принятые в рамках его компетенции, обладают всеми признаками, характерными для судебных решений, и имеют обязательную силу на всей территории страны для всех государственных органов, предприятий, учреждений, организаций и отдельных граждан. Последним предоставлено право подачи индивидуальной жалобы на нарушение их конституционных прав и свобод. Однако при всех экономических, политических, социальных и т.п. обстоятельствах, сопровождающих правотворческую деятельность, абсолютно очевидным остается одно: реальные шаги к демократии будут измеряться в первую очередь тем, на какой уровень в России поднимается функция отправления правосудия. Суд — это не просто одна из составляющих механизма, регулирующего сложный комплекс социальных отношений в обществе, наряду с законодательной и исполнительной властью. Именно судебная власть способна эффективно гарантировать законные права и интересы человека и, что не менее важно, обеспечить деятельность государства необходимой легитимностью, придать ей соответствующее правовое основание, без которого она рано или поздно вырождается в политический произвол и насилие над человеком и обществом.

Вопросы

М.С. Капранов, протоиерей:

— 1. Существуют ли сегодня факты судебного преследования за политические и религиозные идеи? 2. Существует понятие «тоталитарная секта». Как к Вам к этому относитесь? И преследуют ли по закону секты «Аум Сенрике», «Белое братство» и некоторые другие?

Отв.: Могу сказать, что нет судебных дел, которые преследовали бы за политические или религиозные убеждения. Это в большей степени относится к службам, которые занимаются оперативной деятельностью, которые ведут предварительное следствие и дознание. Эти службы, не исключено, используют в своих разработках агентов в религиозной системе, политической. Но по суду нет. Что касается «Аум Сенрике», то у нас дел по этой секте в судах нет. Может быть, только в оперативных разработках или в следствии. Мое отношение к тоталитарным сектам самое отрицательное.

Н.П. Коробкова, доц. АГУ:

— А закона нет, который запрещал бы такие секты?

Отв.: Нет.

Т.Селезнева, преподаватель школы-гимназии N 123:

— Какой механизм разрешения конфликтов между различными ветвями власти предусматривают Конституция и решения Конституционного Суда?

Отв.: Решения конфликтов заложены в ныне действующую Конституцию. Не согласен, подавай в суд, все это компетентные органы рассматривают и приводят в соответствие (если конфликт между простыми гражданами). Если речь идет о несоответствии принятых актов субъектов федерации, это часто можно наблюдать в Татарстане, Башкортостане и в других субъектах федерации, есть механизм защиты Конституции — обращение в Конституционный Суд. Он выносит решение, которое является окончательным и обжалованию не подлежит. Механизм — очень простой. С принятием законов «О судебных приставах» и «Об исполнительном производстве» такие конфликты будут гаситься с помощью вот этих органов. Но на сегодня опасность конфликта трех властей не изжита до конца.

О.А. Аршинцева, доц. АГУ:

— Что, кроме формального процесса реформирования, способно преодолеть столь пространственный правовой нигилизм? Как проводить реальное правовое воспитание в духе уважения к закону?

Отв.: Раньше в Минюсте, в органах и на местах существовали отделы пропаганды юридического всеобуча, сейчас у нас этого нет. Я не могу дать прогноз, как можно преодолеть правовой нигилизм. Показатель тоталитарного мышления — это представление о том, что чем больше у нас будут судить, тем больше станут уважать право. Получается, что это не всегда срабатывает. Я думаю, что судебными реформами не изменить сознание людей, все упирается в социально-экономическое развитие. Вот база прогресса.

В.Л. Миронов, д.ф.-м.н., профессор, член-корр. РАН, ректор АГУ **Некоторые демократические аспекты реформы** **высшего образования в России**

Как говорят китайцы, когда хотят пожелать плохого: «Жить тебе в эпоху перемен», но что же делать, мы живем как раз в такую эпоху, мы испытываем эти перемены на себе, они тяжелы. Наши идеалы, к которым мы стремились пять, десять лет назад, труднодостижимы; путь к ним может занять несколько десятилетий. А, как мы знаем из истории, становление демократических традиций занимает несколько столетий. Поэтому хотелось бы, чтобы сегодня обсуждения теоретических проблем, аспектов практической деятельности построения демократического общества проходили не только на политических конференциях, а имели бы место в вузах, старших классах школ. Потому что, чем раньше будут поставлены эти

проблемы, чем большее количество молодых людей примет участие в обсуждении этих проблем, тем будет существеннее и заметнее прогресс в преодолении тоталитаризма.

Не секрет, что поддержка демократических реформ со стороны интеллигенции, со стороны вузов была решающей на определенном этапе. И даже те, кто до реформ жили хорошо, были поставлены в прекрасные экономические условия (ведущие институты, ВПК, РАН, другие академии наук, элитарные вузы), все равно поддержали реформы, потому что жаждали свободы духа. Ведь раньше не было свободы деятельности, не было свободы просто для труда. Особенно это влияло на высшую школу, на тех, кто преподавал гуманитарные, социальные, политические науки. Эти люди хотели оставаться честными перед собой, чтобы конформизм не присутствовал, чтобы не было раздвоения между разумом и сердцем. Фактор свободы духа был одним из решающих.

Если говорить о достижениях сегодняшнего дня в области реформ в высшем образовании, то достижение свободы деятельности в высшем образовании, в гуманитарных, социальных науках — это крупное достижение, с которым вряд ли кто желал бы расстаться. Поэтому признание новых ценностей в образовании — это также крупное достижение в преодолении тоталитаризма.

Еще совсем недавно трудно было представить себе то, что высшее образование нужно человеку просто так, без профессии. Это соответствует новому времени. Сегодня это тоже крупное достижение, когда мы думаем, что просто высшее образование — это большое благо.

Центром является сам человек, каждый человек. Центр и эгоизм — это разные понятия. Гуманизация образования, то есть учет интересов тех, кто получает образование, прежде всего молодежи, это новый принцип, который уже сегодня не является просто лозунгом, просто идеей, а находит свое воплощение в конкретной структурной перестройке, идущей и в высшем образовании.

Одним из крупных достижений в преодолении тоталитаризма стала открытость образования, особенно открытость его по отношению к системам образования в странах постиндустриального общества, в странах, которые мы признаем демократическими, нетоталитарными. Этот фактор трудно переоценить. Эти тонкие ниточки, связывающие российское образование с образованием в нетоталитарных обществах, есть залог успешного преодоления тоталитаризма у нас в России. Разве мы могли себе представить еще совсем недавно, что есть дети здесь, на Алтае, которые провели год, например, в США. Есть обмен студентами, преподавателями. Это не простое посещение туристами других государств, а жизнь там, обмен идеями, работами, наконец, формирование характера.

Распространение культуры, интеллектуальной деятельности, образования — это идет точно так же, как передача генов. Конечно, сама по себе эволюция общества — это очень медленный процесс. Но раз уж появились ядра, раз уж появились субъекты — то среда общения человеческого общества позволяет многократно ускорить это социальное развитие и преодоление тоталитаризма. Поэтому открытость системы высшего образования — это тот фактор, за который нужно держаться очень крепко. Естественно, никто не ждет нас на Западе, Запад не будет нам бескорыстно помогать и хорошо о нас заботиться. Этого не будет никогда, но возможность общения с западными обществами, с их социальными структурами — это тот фактор, который, безусловно, сыграет роль ускорителя преодоления тоталитаризма через систему образования в нашем обществе.

Хотелось бы сказать, что сегодняшняя неблагоприятная политическая обстановка является основной угрозой возврата тоталитаризма, прихода к власти той партии, тех деятелей, которые не осудили, не покаялись, не признали ошибок прошлого. Тоталитаризм вернется в новых одеждах демократических выборов, которые будут сброшены точно так же, как это было в нацистской Германии. Но молодежь их не поддержит.

Есть угрозы возврата тоталитаризма в основные структуры высшей школы. С чем это связано? Прежде всего, они связаны с тем, что сегодня высшая школа находится в очень

сложном положении. В этой уникальной среде, которая есть в каждом университете, можно видеть все: отсутствие социальной уверенности прежде всего среди преподавателей, можно наблюдать пассивность, можно наблюдать ностальгию о прошлом, надежду на лидера, на государство, на чудо. С чем это связано? Все вузы работают, везде идет увеличение приема, и многие думают, что все хорошо. Но в высшей школе идут разрушительные процессы, так же как они происходят в экономике. Это нужно признать. Но самое опасное, что происходит в высшей школе, это истончение интеллектуального слоя. В прошлом году в России в два раза меньше защищено кандидатских диссертаций, то же самое можно наблюдать и у нас в университете. Это очень опасное явление, угроза интеллектуальному потенциалу высшей школы, а, следовательно, и преодолению тоталитаризма.

Что нужно сделать в вузах на месте каждого (ректора, профессора, доцента, аспиранта, студента), чтобы повлиять на эти негативные факторы? Если мы не предадимся отчаянию, если мы заставим себя работать, проявим твердость духа, наберемся терпения, сохраним высшую школу и университет, то это будет самый крупный вклад в преодоление тоталитаризма. Отсутствие деятельности университета во внешней социальной среде, особенно в политической деятельности, конечно, невозможно. Ведь на сегодняшний день зависимость университета от социальной среды, в которой он существует, колоссально увеличивается. И это очень положительный момент, поэтому и влияние университета на социальную среду тоже увеличивается, здесь двусторонняя связь.

Стабилизация положения высшего образования, организация нормальной работы вузов, преодоление истончения интеллектуального слоя, воспитание в рамках университета будущей элиты — вот ядра экономического и социального роста, прогресса. Кадры для этого могут быть взяты из тех вузов, которые совершили большую работу по преодолению тоталитаризма, по либерализации образования, по освоению всего того, что уже достигнуто в демократических обществах. Еще один момент, о котором нельзя не сказать — это воспитание в каждом человеке веры в свой народ, веры в демократическую Россию. Эта идея будет объединять россиян.

Политическая стабилизация в нашем государстве и медленный прогресс будут приводить к улучшению положения в высшем образовании.

Вопросы

Ю.Г. Чернышов, проф. АГУ:

— Валерий Леонидович, как Вы думаете, если нынешний Президент России будет избран на второй срок, улучшится ли со временем финансирование высшей школы, или ей придется выживать собственными усилиями?

Отв.: Я полагаю так, что политическая стабилизация в нашем государстве и прогресс будут приводить к улучшению экономического положения высшего образования. Я верю в это. И полагаю, что это может произойти не через несколько лет, а уже на следующий год. И уже в бюджете следующего года это вполне может быть запланировано. В ряде случаев само бедственное положение сегодняшнего высшего образования связано с той системой взаимоотношений, которая сложилась между Думой и Правительством. Каждый из них в попытке «помочь» высшей школе, поставить себя радетелем высшего образования, ведет себя таким образом, что сегодня в бюджете не заложены даже те показатели, которые присутствовали в прошлом году. А кто утверждал бюджет РФ? Утверждала его Государственная Дума. В этом зале недавно сидел заместитель министра финансов, который ведал финансированием всей социальной сферы. Он достал бумаги, показал цифры, которые утверждены в бюджете, мы прикинули, сколько же из этого приходится на долю АГУ. Это все сходится. Другое дело, что, наверное, какие-то крупные шаги могли быть сделаны в сторону высшей школы со стороны Президента. И мы все ждем этих шагов. И я, например, верю, что, когда стабилизируется обстановка, то шаги и Правительства, и Президента в отношении высшей школы будут, возможно, не только с точки зрения обеспечения свободы и демократии, но и с точки зрения обеспечения экономического фундамента существования высшего образования, в том числе и у нас на Алтае.

Страница 3

С.Г. Потапов, к.э.н., исполнительный Директор Западносибирского центра приватизации по Алтайскому краю, председатель движения «Наш край — Алтай»

Экономические основы тоталитаризма: диалектика развития

Поскольку именно слияние политической и экономической власти делает государство всемогущим, создает иллюзию всеуправляемости, я хотел бы взглянуть на проблему глазами экономиста. Представляется полезным для исследования ответить на следующие вопросы: а) какие рычаги и механизмы управления экономикой характерны для тоталитарного режима; б) диалектика развития этих форм во времени; в) возможности восстановления тоталитарной экономики в случае выбора президентом Г.Зюганова.

Стремление вождя или партии к безраздельному господству основывается на иллюзиях рационализма, способного якобы преодолеть кажущийся хаос рыночной экономики силой разума, мощью плана. Бородатый основоположник навсегда нам объяснил, чем же отличается самая лучшая пчела от самого плохого архитектора. Плановые начала, свойственные любой производственной деятельности, употребленные тоталитарным режимом в качестве главного средства подчинения экономики, приобретают самодовлеющее значение, отрываются от объективной базы. По сути дела, приверженцы социалистического планирования пытаются уверить, что их знание об экономических процессах, искусственное по сути, сконструированное из политических идей тоталитаризма, является истинным. Фетишизация централизованного планирования и ее яркие результаты по порождению необычайной хаотичности в экономике нашли достойное отражение в анекдотах. Но самым ярким результатом явилось то, что ни один пятилетний план так и не был выполнен в нашей стране.

Вторым рычагом, особенно ярко демонстрирующим чужеродность и абсурдность рассматриваемой экономической модели, является жесткий тотальный контроль с административной и уголовной ответственностью за выполнение решений вождя. Контроль служил не только средством обеспечения исполнения решений вождя, но и средством подбора и воспитания руководящих кадров в народном хозяйстве, контроль распространялся на десятки параметров деятельности предприятия, включал, по сути дела, личную жизнь. Тоталитаризм предполагает опасение внутреннего сопротивления, оппозиции, поэтому контроль ведется со стороны многих служб режима, включая репрессивные. Управление экономикой при этом предполагает прямое руководство предприятиями через систему министерств, ведомств, главков, объединений, управлений. Жесткое определение круга полномочий, право вышестоящего уровня вмешаться в любой вопрос на предприятии, назначение и снятие с работы, а также привлечение к ответственности за неисполнительность, вплоть до физического истребления... В результате одним из главных мотивов деятельности руководителя предприятия в условиях режима является страх. Подчинение экономики политике и ориентация ее всецело не на саморазвитие, а на достижение соответствующих целей, обычно предполагают нерыночное распределение. Государство создает особую систему снабжения и сбыта, дабы административно обеспечить выполнение плановых директив ресурсами. Ведь тоталитарной экономике свойственен товарный дефицит — он является одним из методов принуждения, обеспечения господства. Деятельность органа, обеспечивающего товарный обмен в государстве, порождает у субъектов производства паразитические наклонности. Достаточно предприятию просто произвести товар, и он уже считается проданным. И никаких проблем с маркетингом, покупателями и пр. Попытки в 1918–1920 гг. построить идеальный социализм — без денег — провалились довольно быстро. Денежные отношения потребовали определения цен. Подчинение ценообразования целям режима привело к извращенности обмена. В результате появляется как бы кривое зеркало, в котором результаты труда, вопло-

щенные в цене, не имеют явной связи с достижениями производителя. Товарам, имеющим политическое значение, назначается неизменно низкая цена — например, хлебу. Зато появляются так называемые предметы роскоши, цены на которые устанавливаются за пределами высокими. Стремление к тотальному контролю пронизывает и индивидуальное распределение. Государство и здесь создает вертикальную бюрократическую структуру, которая определяет основные параметры и контролирует их соблюдение, регулярно ужесточает нормы и расценки. С самого начала режим создает параллельную систему поощрения, которая ближе к коммунистическому лозунгу «каждому по потребностям», но существует лишь для аппарата режима. Система внеэкономического стимулирования широко распространялась на большую часть общества путем различных пайков, что ослабляло значение и без того нежизнеспособного социалистического стимулирования. Тоталитарной экономике свойственна замкнутость. Само общение с иностранными партнерами признается опасным. Ведь рыночная экономика соотносится с социалистической так же, как яркая и удобная импортная одежда в сравнении с фуфайкой. Поэтому внешними связями занимались отдельные структуры, идеологически подготовленные, проверенные КГБ. Попытки же создать свой «общий рынок» — СЭВ и базу влияния среди стран третьего мира — носили также политический характер. В результате получается экономический паразитизм, купля лояльности правительств стран-политических союзников и огромные экономические потери. Тотальная государственная собственность на все имущество, фонды и ресурсы исключает участие мирового капитала в развитии экономики.

Попробуем проследить вырождение экономических методов, которыми КПСС управляла советской экономикой. Причем методов, отлично проработанных, обоснованных коллективами солидных ученых. При этом экономическая наука руководствовалась партийным подходом. Директивное планирование с первой и до последней пятилетки, детально прорабатывая миллионы цифр, только увеличивало хаос и дефицит в экономике. С ним не могли ужиться хозяйственные инициативы, оно ориентировалось на худшего, обирая и лишая стимулов тех, кто хотел и пытался работать отлично. Судьба Щекинского эксперимента и многих других показывает, что детальная регламентация хозяйственной жизни препятствует саморазвитию. Попытки режима преодолеть это, сократив число доводимых сверху показателей, к успеху привести не могли. Все больше укреплялась тенденция к занижению плановых заданий со стороны предприятий. Аскетичность сталинских времен сменилась пресыщенностью брежневского аппарата. Страсть к наживе все чаще пронизывала аппарат, позволяя не опасаться никакой проверки. Такой порядок приводил к естественному стремлению обеспечить себе приятную жизнь не путем улучшения качества продукции и снижения затрат на ее производство, а за счет хороших отношений с чиновниками. Наряду с этим существовал черный рынок.

Получение денег определялось «пробивной силой» директора и местного партийного секретаря, их связями с московской элитой, а не качеством бизнес-плана. Памятники этого процесса инвестирования встречаются до сих пор тут и там (например, Повалихинский завод по переработке картофеля). Львиную долю капиталовложений получало военное производство — тоталитарный режим агрессивен по натуре, поэтому производство подчиняется военным целям, а не интересам населения. К весьма уродливым последствиям привело экономику и отраслевое управление предприятиями. Каждая отрасль стремилась к собственному расширению и самообеспечению. Отраслевая специализация давала характерные примеры: в Рубцовск, например, везли комплектующие из Одессы, хотя соседний завод делал аналогичную продукцию. Громоздкие отраслевые системы подбора и подготовки кадров готовили исполнительных и покладистых руководителей. Таким образом, все рычаги воздействия режима на экономику не отвечали потребностям развития производства, приводили к нарастанию застойных тенденций. Невообразимая бюрократизация процесса принятия решений, отсутствие реальных полномочий у руководителей предприятий вели к вырождению

менеджеров. Таким образом, любой тоталитарный режим экономически обречен, и продолжительность отмирания его экономической базы зависит от ряда внутренних и внешних факторов. Естественен вопрос — возможно ли, чтобы страна, пережившая тоталитаризм и ощутившая полную бесперспективность его экономической модели, вновь обратилась к нему? Увы, массовое сознание не успело в полной мере ощутить ценность свободы и понять, что лишь свободное развитие экономики обеспечит ее быстрый рост, а вместе с тем и быстрый рост благосостояния. Тяга к реваншу концентрируется в КПРФ, партии «вчерашних».

Если они придут к власти, тогда и начнется восстановление тоталитарных рычагов воздействия на экономику: введут жесткие цены вначале на ограниченный круг товаров, госзаказы и госзакупки, национализируют крупные предприятия, закроют границы, реанимируют Госплан и отраслевые министерства... У сегодняшних большевиков нет иной альтернативы, кроме как повторить все, что было при тоталитарном режиме.

Вопросы

А.Е. Глушков, проф. АГУ

— Вы нас пугали приходом коммунистов. Скажите, откуда тогда у нас такое благодушие к тому, что будет, почему мы поддерживаем всех, кого можно, а не того одного, у которого есть шанс победить?

Отв.: Это вопрос уже тактики борьбы с тоталитаризмом, который требует особого обсуждения, потому что я уверен, что поступаю правильно, вы уверены, что вы поступаете правильно. Вопрос в том, чтобы не оставаться сегодня на обочине, а с коммунизмом должен каждый бороться именно так, как он думает, какие он видит средства, силы. Сегодня осталось очень мало времени до 16-го июня, поэтому важно поработать, потому что после 16-го может уже быть поздно. На днях тут господин Суриков объявил, что Зюганов на Алтае соберет 45–50% голосов. Я думаю, что это было бы трагедией. Это слишком много. Если мы снизим этот процент хотя бы до 40, это было бы большой победой. Ведь как на Алтае жить, если здесь 50% населения поддерживает Зюганова? Это потом передастся на местную власть, какую силу получают там господа, которые уже сегодня то отбирают право избирать губернатора, то нарушают закон о выборах, потому что им это хочется, то обкладывают дополнительным налогом городских предпринимателей, то деньги от культуры и образования отнимут и направят на поддержку колхозов и совхозов. Они получают от этого большой дополнительный импульс. А этого не хотелось бы. Я вижу свою задачу в том, чтобы бороться с зюгановцами здесь, и кое-что мы делаем. Верховный суд рассматривает наши иски по поводу выборов в Законодательное собрание края. Я надеюсь, что мы выиграем, и всю эту компанию Сурикова отправим в отставку, потому что избираться надо по закону.

В.Л. Миронов, ректор АГУ:

— Вы являетесь сторонником экс-президента Горбачева. Допускаете ли Вы, что ваш кандидат может присоединиться к тому движению, которое поддерживает единого кандидата от демократов?

Отв.: На мой взгляд экономиста, управленца, выбирать на пост Президента можно только людей, получивших соответствующий опыт, соответствующее образование, жизненную закалку. Таких из кандидатов только два: ныне действующий президент Б.Н. Ельцин и М.С. Горбачев, который руководил Советским Союзом с 1985-го по конец 1991-го года. Они получили достаточную подготовку для управления страной. Я хорошо отношусь к Явлинскому (мне приятно, что это экономист), к Лебедю, к Федорову и к остальным, за исключением Зюганова, но для того, чтобы стать президентом страны, нужно пройти определенные ступенечки. Управлять страной — это сложная задача. Я взялся поддерживать Михаила Сергеевича именно по этой причине. Здесь есть эффект Ден Сяопина, то есть, когда человека отлучают от власти, у него есть время переосмыслить, узнать свои ошибки, наметить пути, и после этого, вернувшись к управлению государством, осуществлять более грамотную политику. Во многом Б.Н. Ельцина сделали Политбюро и

Горбачев, когда они его отлучили от власти, он в то время демократизировался, общаясь с членами «Межрегиональной группы». А с точки зрения замены Ельцина Горбачевым я большой проблемы не вижу. Если же альянс проявится, и Борис Николаевич договорится с Михаилом Сергеевичем, то в конкретной ситуации это было бы правильно.

В.А. Должиков, доцент АГУ:

— Можно ли человеку, который имел власть Президента СССР и проспал ее в Форосе, вновь доверять эту власть? И вы говорите, что Горбачев переосмыслил все, но ни в одном его выступлении этого не видно.

Отв.: Смена правителей в нашей стране всегда происходила очень трудно. В худшем случае правителя убивали. Никита Сергеевич уехал в свое время отдыхать, и в это время его подельники освободили его от власти. Ситуация в 91-м развивалась достаточно сложно, и Горбачев поехал на отдых, когда основные моменты Союзного договора были уже подготовлены, но ГКЧП попробовал реанимировать старую систему. Проспал ли он или нет, надо тщательно анализировать. А что касается признания ошибок, я могу показать вам множество статей, речей, книг, где все это присутствует.

А.М. Бетмакаев, доцент АГУ:

— Защищает ли россиян новая Конституция РФ от восстановления тоталитарного государства?

Отв.: Как показывает сегодняшнее развитие — нет. Вероятно, сама защита Конституции должна быть обозначена в законах, в соответствующих мероприятиях. Одна из главных моих личных претензий к Б.Н. Ельцину в том, что он проспал коммунистическую партию и позволил ей взрасти. Германия освободилась от фашизма, потому что приняла определенные законы: там не допускали на отдельные должности людей с нацистским прошлым. А Ельцин мог принять законы против компартии, но не сделал этого. И в результате мы имеем то, что опять поставлено под угрозу будущее России. Это не Конституция плохая, это законы не обеспечивают ее действие.

Н.П. Коробкова, доц. АГУ:

— Можете ли Вы определить специфику тогдашнего механизма в наиболее престижной отрасли советской экономики, в оборонной промышленности?

Отв.: Тоталитаризм агрессивен по своей природе. Если мы вспомним задачу распространения мировой революции, она все время стояла на повестке дня. Поэтому основные усилия страны были брошены в военную область. Всю страну обирали. Если мы сегодня пройдем только по барнаульским предприятиям, то на оборонных заводах замечательные станки стоят, автоматические линии. Уровень оснащения «оборонки» и сельхозмашиностроения различаются, как небо и земля. Это было естественно, это отвечало главной цели тоталитарного режима — сохранению и расширению своей власти. Для этого нужно было передовое оружие и огромная армия, денег на это не жалели. Тоталитаризм создает очень сословное общество, ты сидишь на этой полочке — тебе вот это положено, а ты на этой — только это положено. Поэтому оборонным предприятиям было очень много положено и они очень красиво жили (единственно, за границу ездить не позволяли). В рыночной экономике все зависит от предприимчивости человека, а при коммунистах можно построить маленький коммунизм в рамках одного объекта, а все остальные будут жить плохо.

Страница 4

М.С. Капранов, протоиерей Русской православной церкви Православная церковь и советское государство в послесталинский период

Выслушивая все предыдущие выступления, я подумал, что же такое Церковь, тоталитарное общество или нетоталитарное? Имеет ли она в своей основе какое-то начало подавления? С точки зрения внешнего взора, наверное, имеет. На одном из совместных собраний представители разных конфессий признали тоталитарными отдельные секты: «Аум сенрике», «Белое братство», «Общество сознания Кришны», муновское движение и другие. С точки зрения внутренней, духовной сути, глядя из Церкви, ощущаешь, что все-таки в Церкви существует та полнота свободы, которая позволяет сделать любой выбор, который может быть ограничен лишь одним понятием, понятием сугубой духовности. Это любовь, как бы ни странно это звучало, соотносясь со всеми нашими демократическими принципами и идеями разоблачения тоталитаризма.

Действительно, церковь зиждится именно на этой основе, она находится сегодня в сложном положении, но этот принцип, который действовал в Церкви изначально, по-прежнему существует сегодня. И существовал при большевистских условиях, в той страшной ситуации, в которой оказалась церковь после 17-го года. В условиях страшного Гулага существовала любовь. Этот принцип является основой существования жизни во все времена, ибо это есть Христос. Христос, будучи сыном Божьим, становится Сыном человеческим, дабы искупить род человеческий. «Мир лежит во зле», — говорит Священное Писание, мир исполнен зла, все, что в мире, — похоть плоти, похоть очей, гордость житейская. То есть, казалось бы, сугубое зло, для чего же спасти этот мир? Но Христос как бы покрывает это зло, исходит в него, в это лоно зла, берет на себя его и искупает его своей крестной смертью и побеждает смерть, побеждает зло своим воскресением.

Православные составляют меньшинство в христианском мире. 34% населения Земли — христиане, всего третья часть. Из этих 34% — 18% католики, 9% протестанты и только 7% православных. Но, как говорит русская пословица, мал золотник, да дорог. В этой дороговизне и заключается сила Православия.

Захват власти большевиками в 1917 году был во многом неожиданным для Церкви, хотя святые подвижники предсказывали подобного рода явления, об этом говорил преподобный Серафим Саровский, об этом уже накануне большевистского переворота говорил святой праведный Иоанн Кронштадтский, все это как бы висело в воздухе. И не только в Церкви, но и во внецерковных кругах это было ощутимо. Та страшная волна репрессий, которая обрушилась на Церковь, все-таки была неожиданна. И Церковь в этих условиях, несмотря ни на что, все же выстояла. Она выжила, несмотря на практически полное разрушение: 90% храмов, 90% священнослужителей было уничтожено. Война велась с Церковью не на жизнь, а на смерть.

Накануне войны, на сороковой, сорок первый годы оставалось всего несколько десятков храмов по всей России, и буквально можно перечислить по пальцам бывшее на свободе духовенство. Основная масса священнослужителей или скрывалась в подполье, или сидела по тюрьмам и лагерям. Следует заметить, что этот процесс характерен не только для сталинского времени, но и в последующие периоды. Мне приходилось встречать в тюрьмах и лагерях монахов, которые сидели по 30–40 лет и при Сталине, и при Хрущеве, и при Брежневле, заканчивая свою жизнь в этих же лагерях.

С середины 50-х годов, после всех репрессий, в России существовало: 2 духовные академии, 8 семинарий, 69 мужских и женских монастырей, правда, в основном на западе России. Но именно с этого времени начинается волна новых репрессий. Она не достигает

уровня 20-х — 30-х годов, но тем не менее в это время закрывается, а зачастую и уничтожается около 7 тысяч храмов. К 1966 году в стране насчитывается всего 7523 храма. В антирелигиозную борьбу вовлекаются ренегаты, по разным причинам изменившие Церкви.

Сейчас Церковь активно выступает в специальных изданиях (правда, к сожалению, они почти не доходят до широкой публики) с раскрытием основ учения тех или иных сект, миссионеры которых сегодня приезжают к нам, и с разоблачением их не просто антихристианской, но даже античеловеческой сути. Последние процессы над «Аум Сенрике» и «Белым братством» показали, что все это имеет место. К сожалению, нам плохо удается бороться с этими сектами. Можно было бы сделать больше, но Церковь после семидесяти лет гонений находится в сложном положении. По-прежнему нехватает подготовленных кадров, академии не справляются, и семинарии наши, которые находятся на стадии становления, не могут дать того духовного основания для священников, которое могло бы быть препятствием для проникновения различных тоталитарных сект в нашу среду. Здесь важна не только защита Церкви, но важны какие-то государственные мероприятия, мероприятия, которые помогли бы Церкви и обществу раскрыть характер миссионеров тоталитарных сект. Многие из подобных сект запрещены у себя на родине, а у нас находят самую благодатную почву.

Вопрос об опасности духовной экспансии исключительно важный. Жаль, что наши политики, наши господа демократы занимаются только предвыборной борьбой. Предвыборная борьба, конечно, имеет важное значение сегодня, но завтра она пройдет, и наступят какие-то иные мотивы. А вот то, что является важным вообще для всего нашего государства, для всего нашего общества — это духовное развитие.

Я считаю, что Православие должно стать государственной религией, но это не означает подавление каких-либо иных направлений. Мы знаем, что до 1917 года Православие было государственной религией, а у нас в Барнауле существовали: католический костел, протестантские храмы, мусульманская мечеть и еврейская синагога — все это сосуществовало вполне мирно, и не было никаких конфликтов. Поэтому я думаю, что государственность Православия поможет решить многие задачи. В Саудовской Аравии ислам — государственная религия, в Италии и Испании католическая церковь — государственная религия, и никого это не пугает. Но почему же мы противимся, чтобы Православие стало государственной религией России? Православие — это религия основной части населения России, прежде всего русских. Думаю, что это вопрос времени.

Вопросы

А.Е. Глушков, проф. АГУ:

— Чем, на ваш взгляд, можно объяснить то, что в России ни в начале XX века, ни в конце его не возникло реальной политической силы, которая базировалась бы на основах Православной церкви?

Отв.: На начало XX века существовало несколько монархических партий и движений, они были представлены в Государственной Думе. На конец XX века существуют христианские партии различного направления.

— Но ведь они не оказывают никакого практического влияния на политическую жизнь. И монархические партии — это совершенно иное направление.

Отв.: Да, я согласен с вами, что это другое направление. Но сами партии существуют. Ведь многие партии и других направлений имеют очень малое количество своих членов и оказывают еще меньшее влияние на общество.

Д.В. Негреев, зам.главного редактора еженедельника «Свободный курс»:

— Сравнительно недавно было выдвинут ряд заявлений священников по поводу президентских выборов. Все, наверное, видели по телевизору выступления Алексея II, который, не называя никаких имен, высказался на тему, что коней на переправе не меняют. Наш епископ Алтайский и Барнаульский Антоний тоже не скрывает того, что поддерживает нынешне-

го президента, а некоторые священники высказались в поддержку Зюганова. Скажите, существует ли единая точка зрения в РПЦ по этому поводу, и не приведет ли победа того или иного кандидата к какому-то противостоянию внутри Церкви?

Отв.: Церковь сегодня очень сложный организм. Есть течения крайне правого монархического толка, есть течения либерального направления, есть священники, выступившие в поддержку Зюганова. На мой взгляд, поддержка Зюганова — это не поддержка его как личности, а поддержка антихристианской коммунистической идеи, несмотря на весь набор их патриотических лозунгов, идеи антирусской и антиправославной. Общее мнение абсолютного большинства священнослужителей во главе с Патриархом направлено на сохранение демократических достижений, при всей их сложности, при всей их непоследовательности, при всей смуте, которую мы сегодня переживаем. Но я думаю, что это все-таки явление частного характера. Дело в том, что Священный Синод и Патриарх предложили священнослужителям не участвовать ни в каких политических партиях и в политических выборах. Большинство священнослужителей и мирян РПЦ, даже если они выходцы из партии и комсомола, отлично понимают, что коммунисты — это антихристы, они за разрушение Церкви. Основная масса прихожан против коммунистов. Другое дело за кого они: за Ельцина ли или за другого демократического кандидата.

Н.П. Коробкова, доц. АГУ:

— Грядет ли в нашей Православной церкви реформирование?

Отв.: Если вы наблюдаете за жизнью Церкви, то для вас очевидно, что перемены идут. Но всякие реформы приводят к такого рода потрясениям, которые для Церкви не желательны. Реформа 1666 года привела к возникновению старообрядчества. Революция в России привела к возникновению тоталитарного большевизма. Не реформа, не революция ожидается в Церкви в будущем, а постепенное раскрытие всех тех сил, условий, которые предоставляет ей жизнь. Если католицизм пытается святыню опустить до уровня современного человека, исполненного греха, всею той мерзостью суеты, в которой он находится и в которой видит определенный смысл. Наша Церковь стоит на другом — поднять человека из этой грязи к тому свету преобразования, который есть смысл жизни Православия.

А.Рязанов, учащийся школы-гимназии N 123:

— Насколько сегодня Церковь свободна от влияния государства?

Отв.: Полная свобода наступает только или в Аду или в Раю, а мы всегда зависимы от каких-то внешних условий. Сегодня, когда упразднен Совет по делам религии, нет той опасности, которая была в те годы, когда у священника могли изъять справку, что он является священнослужителем той или иной религии, что отбирало у него право на службу. Сегодня вопрос так не стоит. Сняты налоги со священнослужителей и с Церкви, предоставлена возможность контактов со СМИ, возможность активной миссионерской деятельности. Но все упирается в нашу внутреннюю неподготовленность к тому, что сейчас происходит. Государство пока дает нам полную свободу для выражения своих чувств, своих возможностей, проведения евангелизации и миссионерской деятельности. Но предоставленной для нас свободой воспользовались различные тоталитарные секты, которые обладают значительными средствами, подготовленными кадрами, возможностями ведения своей пропаганды.

Е.В. Притчина, доц. АГУ:

— В обществе, где существует социальная напряженность, Церковь всегда смягчает ее путем организации благотворительности. И РПЦ имеет в этом богатые традиции. А как сейчас наша Церковь ведет такую работу?

Отв.: Церковь ведет эту работу и на местах, и на общецерковном уровне в Москве. Созданы различные благотворительные организации. Церковь взаимодействует с различными фирмами, которые проводят благотворительные акции. Кроме этого существует полумонашеское общество — «сестричество», которое активно участвует в помощи больным, престарелым, детям-сиротам. Мы используем новые и старые приемы такой работы. В Алтайском крае «сестричество» создано в Новоалтайске.

Страница 5

А.И. Колобова, к.и.н., профессор, зав.кафедрой организации предприятий АПК АГАУ Российский аграрный вопрос и попытки его решения в условиях тоталитарной системы

Формы землевладения и землепользования, целенаправленного и последовательного совершенствования земельных отношений не одно столетие были основным фактором политического и социального развития России, так как они определяли не только условия существования крестьянства, но и будущее страны.

Важнейшим событием аграрной политики для русского крестьянина была реформа 1861 г. — это отмена крепостного права. В аграрном строе пореформенной России образовалось два типа хозяйств — это крупное помещичье и мелкое крестьянское. Однако собственником надельной земли считалась община, а право пользования этой землей принадлежало всей крестьянской семье. Община регулярно отстаивала передел пахотных земель и лугов по принципу социальной уравниловки — ни богатых, ни бедных. В результате крестьяне не были заинтересованы в улучшении обработки земли, ибо рано или поздно общественный надел мог перейти к соседу. И общинная структура на рубеже двух веков стала главным тормозом модернизации всей экономики страны, причиной низкой товарности сельского хозяйства.

Основной причиной отсталости сельского хозяйства России было отсутствие собственника земли. Но исторический опыт развития российской деревни доказывает: когда власть хоть чуть-чуть развязывала крестьянину руки, результаты были поразительны. Так, за сорок лет после падения крепостного права население России увеличилось на 75,2 процента, а сбор зерна и картофеля на 159 процентов. По обеспеченности этими продуктами Россия заняла третье место в Европе после Дании и Швеции. В начале XX века почти четверть всего зерна в мире производила Россия, а его экспорт за пятьдесят лет увеличился в 7 раз.

Необходимость срочного реформирования отсталой структуры аграрного сектора экономики, аналогов которой уже не осталось в Европе, доказывал С.Ю. Витте. Он в 1893 году разработал программу реорганизации сельского хозяйства путем развития фермерства, которую в 1907–1911 гг. начал осуществлять П.А. Столыпин.

Столыпину-премьеру вообще было ниспослано на реформу пять лет, а миллионы мужиков успели поднять за Уралом миллионы десятин. Однако, этим реформам не было суждено завершиться: мировая война, революция, а затем гражданская война прервали их еще почти на столетие.

Большевики провели национализацию всей земли. В 1917 году Декрет о земле отменил все виды частной собственности на землю. Государство становится монополистом собственности, а граждане наемными служащими у государства. Происходит замена товарно-денежных отношений централизованным распределением продукции и административным управлением народным хозяйством. Ленин утверждал: «Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством оплаты». А результат — за 1917–1920 гг. сбор зерна сократился на 40 процентов по сравнению с довоенным уровнем.

Огромные крестьянские бедствия и сопротивление вызвали необходимость объявления НЭПа; крестьянам предоставлялось право выходить из общины с землей, избирать любую форму землепользования. Итоги НЭПа свидетельствуют об эффективности свободного крестьянского труда. Если в разгар «военного коммунизма» производство зерна составляло 48 процентов от предвоенного уровня, в 1921 г. — 37 процентов, то в 1923 — 212 процентов к уровню 1921 г. Нэповские пять лет возродили Россию из пепла.

Однако тоталитарная система взяла верх над разумной экономической политикой, не-

смотря на то, что свобода товаропроизводителей показала свои высокие товарные возможности. Вновь было прервано свободное развитие единоличного крестьянского хозяйства с его демократическим, кооперативным движением, был объявлен курс на коллективное аграрное производство, организуемое на основе обобществления находившихся в собственности крестьян земель и производственных ресурсов. В 1929 году пришла коллективизация, которая по масштабам людских и материальных потерь деревни превзошла мировую войну.

Сплошная коллективизация проводилась решением верхов, которые быстро свернули НЭП, который вводился «всерьез и надолго». Подрыв хозрасчетных отношений в аграрной сфере, отход от взаимовыгодного обмена между промышленностью и сельским хозяйством, возврат к принципам продрозверстки — все это обусловило известные деформации в экономике. Был не только нарушен привычный, выработанный веками крестьянский уклад жизни, но и началось разрушение крестьянина как производителя, работника и организатора производства, превращение его в поденщика, отчуждение его от земли, собственности, снижение его заинтересованности в конечных результатах производства.

Начинался период плановых советских пятилеток. За годы первой и второй пятилеток сельское хозяйство не смогло выйти из кризиса, в который оно попало в результате коллективизации. Только к началу 40-х годов удалось вывести сельскохозяйственное производство на уровень 1928 г., а по производству продукции животноводства вышли на этот уровень только в 1950 году.

Государство изымало в виде налогов и обязательных поставок более 50 процентов продукции колхозов и совхозов. Годовой заработок колхозника по трудодням равнялся месячному — рабочего. В 1950 г. в сравнении с 1940 г. сельское население сократилось вдвое. Деревня была развалена, над страной нависла угроза голода.

В 1953 г. была проведена налоговая реформа: повышены закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию; снижен налог с колхозников. Деревня перестала рассматриваться только как источник средств и ресурсов для промышленности.

Остро встала в стране зерновая проблема. Для ее решения началось освоение целинных земель в Сибири и Казахстане. Это был всплеск экстенсивного развития сельского хозяйства.

В начале 60-х гг. был взят курс на сокращение приусадебных участков, чтобы крестьяне не отвлекались от работы в общественном производстве. Все это привело к сокращению производства картофеля, мяса, овощей. Вместо 70 процентов планируемого увеличения производства сельскохозяйственной продукции в седьмой пятилетке оно возросло лишь на 14 процентов. И вновь аграрные реформы на основе решений мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС в таком же плане: повышены закупочные цены на продукцию сельского хозяйства; расширена самостоятельность хозяйств; увеличены капиталовложения в развитие деревни на повышение технической оснащенности села.

Н.С. Хрущев и Л.И. Брежнев развернули аграрную политику на 180 градусов: раньше выкачивали средства из деревни, теперь стали накачивать туда бюджетные ассигнования в таких размерах, каких не видывал мир, не меняя экономических отношений. Долю аграрного сектора в бюджетных инвестициях довели до 29 процентов. В 12-ой пятилетке в аграрный сектор было вложено 227,2 млрд. руб. Прирост производства сельскохозяйственной продукции составил за пятилетку лишь 10,2 млрд. руб. К середине 80-х гг. стало ясно, что система управления экономикой, созданная в 30-е гг., превратилась в «механизм торможения», что частичным реформированием тоталитарной системы не обойтись — надо менять ее в корне, то есть переходить от административно-командной экономики к рыночным отношениям.

Какой же должна быть аграрная реформа в России? Все страны, преуспевшие во второй половине XX-го века, использовали одну и ту же модель экономического роста — на основе частных сбережений, частных инвестиций в экономику: при твердой гарантии и неприкосновенности собственности, стабильной национальной валюте население богатеет, сберегает

еще больше, еще больше вкладывает сбережений в экономику и богатеет еще быстрее. Так было в Японии, Германии, Южной Корее... И ничто экономически не препятствует тому, чтобы и Россия, имеющая огромный потенциал, быстро прошла этот путь. Но собственность в России до сих пор не защищена.

За пятилетие аграрной реформы в России возникли два параллельных сельских уклада: малоземельный — частный, технически отсталый, но уверенно поднимающий эффективность; и многоземельный колхозно-совхозный (АОЗТ, ТОО и с прочими вывесками), дотируемый госбюджетом, но находящийся в катастрофическом состоянии и не меняющий экономические отношения. При этом свободный землевладелец производит 92 процента картофеля, 65 процентов российской свинины, 75 процентов баранины, 42 процента говядины, 55 процентов молока, 73 процента овощей, больше трети птичьего мяса. Но это не только фермеры, а и колхозник «после работы», и садовод-огородник (0,08 га надела). А в сумме частной земли всего 10,63 процента от всей пашни России. Колхозы, совхозы оставили за собой 86,7 процента пахотной земли, а итогом их работы стало: уменьшение посевных площадей на 15 млн. га, на 14 млн. голов сокращение крупного рогатого скота, на 12 млн. голов свиней. Из бюджетов регионов в 1995 году колхозно-совхозному сектору выдано 4,9 трлн. руб. в том числе 0,99 процента выделено на частный сектор; из федерального бюджета — 6,5 и 1,52 процента соответственно.

Следовательно, спасение — не в денежных вливаниях государства, а в изменении экономических отношений, в переводе их на рыночный путь, в обретении сельхозпроизводителями прав собственности на средства производства, главное из которых — земля. Этот путь развития подтвержден мировым опытом, который надо учесть, принять и развивать, а не возвращаться к пройденному прошлому, приведшему за 70 лет к тупику.

Нормальная частная собственность на землю абсолютно необходима. Без этого никогда не будет ее перераспределения в пользу более эффективного хозяина, не будет сезонного кредитования, не будет конца финансовой зависимости от государства. Без частной собственности на землю сельское хозяйство всегда будет управляться государством, а это, как показала практика, — путь к развалу.

Е.В. Притчина, к.и.н., доцент АГУ **Политическая социализация молодежи:** **от тоталитаризма к демократии**

Ни одна политическая система не может нормально функционировать, если граждане к ней не адаптированы. Особенно это относится к тоталитаризму, предполагающему полное подчинение индивида государству, предъявляющему к нему жесткие требования в плане поддержки существующего режима. Адаптация осуществляется в процессе политической социализации, под которым понимается становление политического сознания и поведения личности.

Тоталитарная политическая культура объединяет культ лидера, сильной власти с активным привлечением граждан к участию в политической жизни в соответствии с принципами, установленными лидером. Отрицая публичную политическую жизнь, тоталитаризм в то же время невозможен без массовой социальной поддержки. Политическая система тоталитарного общества рекрутирует личность с целью сформировать безоговорочно преданного исполнителя велений власти.

Особенно большое внимание уделяется работе с молодежью в силу ее специфического положения в обществе. Молодежь еще не полностью включена в существующие общественные отношения, у нее нет собственных экономических интересов, не сформированы устойчивые ценностные ориентации. Поэтому социализация на ранней стадии приносит наибольший эффект. Тоталитарное государство стремится монополизировать свое влияние на молодое поколение и ослабить воздействие таких традиционных институтов социализации, как семья и

церковь. Влияние семьи сводится на нет вследствие недоверия, внедряемого между родителями и детьми. Тоталитарная идеология обычно использует миф о молодежи, в соответствии с которым она имеет преимущества перед старшими по возрасту. Молодое поколение изолируется от влияния церкви. Властями не поощряются неформальные группы общения.

В структуре системы политической социализации, сформированной в СССР, можно выделить идеологический компонент, призванный оправдывать монополию центральных органов власти на принятие политических решений, и институциональный, организующий их практическую реализацию. Идеологическим механизмом мобилизации молодого поколения являлось догматизированное преподавание обществоведческих схем, что утверждало в сознании одномерные, упрощенные представления о существующем мире, а также интенсивная работа по «политическому просвещению масс». На институциональном уровне этому должна была способствовать строго унифицированная и иерархическая система детских, юношеских и молодежных общественных организаций, членство и участие в деятельности которых фактически было обязательно для всех. Включение в общественно-политическую жизнь начиналось в первом классе школы вступлением в октябрята, следующим этапом являлась пионерская организация и, по выходе из пионерского возраста, как правило, молодой человек сразу же вступал в ВЛКСМ, который был единственной в стране общественно-политической самостоятельной молодежной организацией. Комсомол работал под руководством КПСС как ее помощник и резерв, «активный проводник политики партии во всех областях коммунистического строительства», и весь смысл его деятельности заключался в «осуществлении решений партии и советского правительства, претворении в жизнь великой программы построения коммунистического общества в СССР» (Устав ВЛКСМ).

Именно комсомол должен был играть решающую роль в политической социализации. Не случайно социологические исследования 60–70-х гг. ставили социально-политическую активность молодежи в прямую зависимость от членства в ВЛКСМ. В середине 80-х гг. в Алтайском крае 45% юношей и девушек комсомольского возраста были членами ВЛКСМ. Особенно высок процент комсомольцев был среди учащихся средних учебных заведений — 93%. Общесоюзные показатели были примерно такими же. Другим критерием включенности в политическую жизнь традиционно считалось наличие общественных поручений, и комсомольские организации стремились к поголовному охвату ими своих членов. На Алтае 77 процентов учащихся имели постоянные поручения, причем 14 процентов — два и более.

Такое тотальное привлечение юношей и девушек к общественной работе не означало, что они являются реальными субъектами политических отношений. Субъектность в политике подразумевает реализуемую социальной группой возможность самостоятельного выбора оптимального варианта допустимых действий. Допустимыми же являются те действия, которые не связаны со снижением социально-экономического статуса. Существовавший в СССР механизм мобилизации был направлен на то, чтобы повысить общественную активность молодежи в решении поставленных сверху задач и в рамках заданных форм, и исключал самостоятельные действия в отстаивании своих интересов. Доказательством тому служит положение молодежи в обществе, где к ней складывалось потребительское отношение. Ее рассматривали как основной ресурс для неквалифицированного, малоэффективного, тяжелого физического труда, при этом отсутствовали четкие критерии профессионального отбора и оплаты.

Невостребованной оставалась профессиональная подготовка молодежи. В промышленности каждый второй специалист с высшим образованием работал в должности, не требующей полученной квалификации. Самой низкой была доля молодых работников в науке и органах управления. В 1985 г. руководители в возрасте до 30 лет составляли 16 процентов.

В реальной действительности управление политической социализацией не может быть абсолютным. Одним из источников делегитимации советского режима была увеличивающаяся дистанция между идеологией и жизнью. В 1987 г. лишь 13 процентов молодых людей

считали, что комсомольские организации оказывали существенное влияние на дела трудового коллектива. 77 процентов студентов считали, что их интересы игнорируют профсоюзные организации, 80 процентов — комсомольские организации. Кризис существовавших целей и форм политической социализации нашел свое выражение в росте аполитичности, цинизма в молодежной среде, утрате социальных и политических идеалов. Угрожающим стало противоречие между формальными показателями включенности в общественно-политическую жизнь и ценностными ориентациями молодежи. 90 процентов студентов принимали участие в общественной работе, однако 68 процентов отрицали ее значение. Утрата доверия к официальным институтам политической системы сопровождалась негативным отношением к общественным наукам и тягой к неформальным объединениям. Фактически во второй половине 80-х гг. официальная система политической социализации перестала выполнять свои основные функции.

Процесс трансформации политической системы России идет уже 10 лет. За это время сменились режим, институты власти, политическая элита и система официальных ценностей. Новые демократические ценности, приобретя официальный статус, не получили адекватной систематизации, нет каналов их трансляции от политической системы к человеку. Основные агенты политической социализации молодежи — семья и школа — не могут эффективно выполнять свою роль. Знакомство с политикой молодого поколения строится на целях и ориентациях, отличных от тех, которые сопровождали жизнь их родителей. Вследствие этого образуется разрыв между поколениями, какого наша история не знала со времен гражданской войны. Школа, утратив прежнюю систему политических ценностей, новой еще не обрела. Отражением данной тенденции служат учебники, содержащие разноречивых мнений. Мировой опыт показывает, что значительная часть молодого поколения рекрутируется в политическую жизнь через молодежные организации, находящиеся под эгидой политических партий. Но состояние большинства российских партий демократической ориентации не позволяет им эффективно работать с молодежью.

Результатом создавшегося положения являются крайне противоречивые суждения наших юных сограждан, фиксируемые социологическими опросами. Либеральные представления о демократии сочетаются с авторитарными ценностями, существует огромное расхождение между рациональными и эмоциональными оценками. Для молодежи характерно отсутствие интереса к политике.

Одним из условий развития демократических тенденций в России является формирование структур социализации, соответствующих запросам соревновательной системы, преодоление гражданской апатии молодежи, повышение ее политической компетентности, а на этой основе расширение ее политического участия.

Страница 6

Н.А. Упоров, старший преподаватель АГУ Попытки реформ в странах Восточной Европы (50-е — 60-е гг.)

Тема «Тоталитаризм и его преодоление» более всего актуальна именно для нашей страны. И потому, что это наша недавняя история, а главным образом потому, что с преодолением влияния тоталитаризма на российское общество дела обстоят не блестяще. Три четверти века советской истории, 40 лет социализма в странах Восточной Европы не раз демонстрировали попытки реформ, прежде всего экономических — в промышленности, финансах, сельском хозяйстве. Усиленное внимание правящих компартий к этой сфере жизни общества вполне объяснимо, ведь именно здесь система больше всего пробуксовывала, именно здесь был главный источник народного недовольства и основной клубок проблем. Уже в ходе реализации первых планов развития народного хозяйства в 50-е гг. страны Восточной Европы сталкиваются с такими трудностями в снабжении своего населения продуктами питания и промышленными товарами, что вынуждены вводить карточки. События июня 1953 г. в ГДР, 1956 г. в Польше и Венгрии — это попытки отторгнуть навязываемую советскую модель казарменного социализма. И хотя режимы (с помощью СССР) устояли, им пришлось вносить некоторые изменения в политику правящих компартий. В Польше вскоре после прихода к власти

В.В. Гомулки из практиков-руководителей предприятий и теоретиков-ученых-экономистов была создана комиссия по подготовке экономической реформы. Но предложения комиссии польское руководство не рискнуло принять в силу понятных причин.

В Венгрии же после кровавых событий октября-ноября 1956 г. новое руководство во главе с Я.Кадаром было вынуждено «смягчить» режим. И венгры позднее в шутку называли свою страну самым веселым баракком в социалистическом лагере. Здесь же внимательнее всех отнеслись к начавшимся в 1965 г. в СССР экономическим реформам, расценили их как разрешение на серьезные преобразования в народном хозяйстве. Венгры оказались хорошими учениками и как положено, превзошли «старшего брата». Но ЦК КПСС расценил венгерские реформы как отход от марксизма-ленинизма вправо, и в начале 70-х годов Л.Брежнев в беседе с Я.Кадаром выразил «озабоченность» достаточно определенно. Реформы в Венгрии были свернуты (как, впрочем, и в других странах) и сделаны кадровые выводы (пострадал «отец» венгерских реформ Р.Ньерш).

Экономические же проблемы ГДР в 50–60-е гг. стали во многом решаться благодаря помощи СССР, который пытался сделать социализм Восточной Германии «обаятельным и привлекательным» для мировой общественности.

Если вспомнить судьбу более ранних реформ СССР, а также реформ, объявляемых в 70–80-е гг., то следует задаться вопросом: в чем причины их неудач? Очевидно, это логичное следствие негибкой, окостеневшей политической системы. Сущность этой системы и ее опора — партийно-государственный аппарат. Известны две триады власти: 1-власть политическая, экономическая и идеологическая; 2-власть исполнительная, законодательная и судебная. Ни о каком принципе разделения властей в социалистическом лагере говорить не приходится, ибо обе эти триады жестко контролировались все тем же партийно-государственным аппаратом. Не мог этот аппарат рубить сук, на котором сидел, справедливо опасаясь, что, утратив контроль за одной лишь ветвью власти, он вызовет цепную реакцию распада всей системы.

Современный капитализм активно использовал реформы, приспособившись к новым условиям. Административно-командный же социализм не смог встроить реформы в свой механизм работы, оказался к ним невосприимчив.

Можно сказать, что попытки реформ в 50–70-е гг. в какой-то степени давали укрепляющий эффект (выпускали «пар» недовольства, порождали надежды на перемены), но эффект кратковременный. А реформы второй половины 80-х гг. («перестройка»), наоборот, ухудшили ситуацию.

Ю.С. Дьяченко, старший преподаватель АГУ **Сталинизм как теория и практика** **социалистического строительства в СССР**

Генезис и сущность советского тоталитаризма уже давно привлекают внимание как зарубежных, так и отечественных исследователей, однако эта тема изучена еще весьма неполно. В частности, недостаточно выявлена внутренняя структура советского тоталитаризма, требует дальнейшего изучения вся совокупность причин становления тоталитаризма в Советском Союзе.

В обществоведческой литературе анализ тоталитаризма ведется в основном применительно к эпохе сталинизма. Да, действительно, сталинизм — классическая разновидность тоталитарного режима, но его костяк был создан в период рождения советского государства.

Структура советской политической системы с первых шагов ее создания включала в свой состав пирамиду диктатур — партии, класса, государства, находивших законченное выражение в режиме личной власти вождя. В программном труде «Экономика переходного периода» Н.И. Бухарин писал: «При определенном сочетании условий господство класса может находить себе наиболее адекватное выражение как раз в личном режиме». В.И. Ленин на полях книги к этому выводу поставил свое замечание: «Верно!»

С момента создания советского государства, вопреки известным марксистским постулатам о соотношении базисных и надстроечных структур, строительство нового общества велось «сверху». Поэтому руководство РКП (б) придавалось важнейшее значение идеологии. Запрещение оппозиционных и фракционных течений в партии было дополнено по рекомендации В.И. Ленина статьями уголовного кодекса. В преамбуле к 58-й статье и в статье 58, пункт 10 содержались нормы, карающие за инакомыслие. Едва ли не половину всех осужденных по 58-й статье составляли люди, вся вина которых состояла в том, что они не делом, а «помышлением или словом» поставили под сомнение теорию или практику социалистического строительства. Становление и развитие тоталитарного режима возможно только на принципах единомыслия.

Сталинские представления о социализме, реализованные в ходе довоенных пятилеток, уходили корнями в модель государственного социализма эпохи «военного коммунизма». От этой модели большевики полностью не отказались и в период проведения нэпа. В частности, идея планирования экономики, плана-закона, плана-директивы, обязательного для всей страны, восходит к одной из последних ленинских работ — «О придании законодательных функций Госплану».

В период НЭПа не был изжит дух классово-враждебности и непримиримости, порожденный гражданской войной. Демократизация общественной жизни в годы НЭПа — ликвидация чрезвычайных органов, ревкомов, комиссий — носила ограниченный характер, поскольку сопровождалась сохранением монопольного положения РКП (б) в качестве правящей партии, преследованиями политически инакомыслящих. Были распущены партийные организации меньшевиков и эсеров, массовый характер приобрела высылка за границу оппозиционно настроенной интеллигенции, сохранилось и расширилось применение смертной казни. К имеющимся в проекте уголовного кодекса РСФСР 1922 г. семи статьям, по которым предусматривалась высшая мера наказания, Ленин порекомендовал добавить еще шесть статей, причем с такой мотивацией, что практически любого человека можно было при желании подвести под формулировку, «ставящую эти деяния в связь с международной буржуазией и ее борьбой с нами...». В 30–40-е гг. эти рекомендации на всю мощь были использованы Сталиным и его подручными.

Противоречивость была присуща и ленинским взглядам на нормы морали и нравственности. В речи на III съезде комсомола в 1920 г. Ленин сказал, что в основе коммунистической нравственности лежит борьба за завершение и укрепления коммунизма, иными словами, цель оправдывает средства. Универсальная формула, которая могла оправдать любые преступления во имя отдаленных целей. Органичным продолжением этого принципа явился сталинский вывод: «Люди, которые думают, что можно строить социализм в белых перчатках, жестоко ошибаются».

При таком подходе, когда все подчинено цели, закладывается целый ряд неразрешимых противоречий: между целью и средством, между намерением и результатом. Во имя далекого светлого будущего миллионы человеческих жизней были брошены в топку локомотива истории, но в результате мы получили не ускорение, а замедление, застой и даже регресс по многим направлениям исторического процесса.

В основе теории и практики сталинизма лежит односторонне использованный опыт гражданской войны, ее принципы непримиримости, враждебности, бдительности, жесточайшего централизма, ее дух бескомпромиссности. Возможность и даже необходимость проведения подобной политики в 30-е гг. обуславливалась двумя основными причинами: идейно-теоретической и политической.

Как ленинская, так и сталинская модели социализма исходили из возможности построения коммунизма и его первой фазы — социализма в одной, отдельно взятой стране — Советском Союзе. Ленинское и сталинское ведение социализма исходило из положения, что процесс социалистического строительства впервые в мировой истории прекращает действие объективных исторических законов, заменяя их планомерным, сознательным, целенаправленным руководством по созданию коммунистической формации.

Итак, что же такое сталинизм, в каком соотношении он находится к ленинизму? В свое время Сталин писал: «... ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности. Ленинизм нельзя ни отделять от марксизма, ни тем более противопоставлять марксизму». Эту оценку вполне можно отнести и к сталинизму. Его нельзя ни отделять от ленинизма, ни противопоставлять ленинизму.

Сталинизм являлся огрубленным, примитивизированным, догматизированным вариантом марксистско-ленинской доктрины, примененным в 30–40-е гг. в условиях России и других республик Советского Союза для ускоренного создания коммунистической формации. Сталинизм представлял собой целостную идеологическую, политическую и организационную форму партийно-государственной власти, основанной на общегосударственной собственности на основные средства производства, на плановом, во многом бестоварном обмене и распределении материальных и духовных благ. Сталинизм опирался на систему культов-личности вождя, партии и государства. В качестве метода усиления внутренней сплоченности общества на базе этих культов использовались никогда не прекращавшиеся массовые репрессии и против виновных, и против невиновных. Как теория и практика социалистического строительства сталинизм сформировался в 1929 г., его становление и укрепление происходило в 30–40-е гг. Смерть Сталина, расстрел Берии и его подручных положили начало крушению сталинизма. Окончательное его преодоление возможно только на путях последовательных демократических реформ во всех сферах жизни: общественно-политической, экономической, культурной, в области национальных отношений.

Вопросы

В.А. Должиков, доц. АГУ:

— Вы различаете социализм и тоталитаризм?

Отв.: Что такое социализм? Если мы говорим о теории социализма, то просто социализма никогда не было. Был кооперативный, марксистский, монархический социализм и так далее. И был реальный социализм — советского типа. Этот реальный советский социализм, реализованный в жизни, с момента своего создания формировался как тоталитарный режим.

Основным признаком этого является телеологический признак, то есть заранее целенаправленно развитие общества было направлено на достижение определенной цели.

— А в так называемый ленинский период?

Отв.: В период Ленина эта попытка полностью была реализована. Более того, вся сталинская коллективизация есть по сути дела продолжение той коллективизации, которая была проведена еще в период «военного коммунизма». Сталин и Ленин отличались в тактике. Один действовал грубее, другой — хитрее. Но по сути между ними я не вижу принципиального отличия.

В.Павленко, учащийся школы-гимназии N 123:

— Сталинизм оправдывал свое существование в 30-е годы?

Отв.: Что такое «оправдывал»? Здесь необходимо знать цену. Что может оправдать эти жертвы? Как говорил Ф.М. Достоевский, счастье всего человечества не стоит одной слезинки ребенка. Если были пролиты моря крови, что может оправдать? И нынешняя война в Чечне ничем не оправдана.

— Но для поддержания власти сталинизм был оправдан?

Отв.: С точки зрения Сталина, его методы были оправданы. С точки зрения простых людей, которые были щепками этой системы, это никогда не может быть оправдано. Если нам говорят, что инфляция благодаря таким-то мероприятиям снизилась до определенного процента, а мы с вами не получаем зарплаты по три месяца, то мы это не можем оправдать.

А.И. Колобова, проф. АГАУ:

— Возможен ли возврат к такой системе на современном витке развития истории?

Отв.: Я думаю, что вполне возможно. К этому неизбежно идет, потому что есть такой циклический процесс: реформа с одной стороны и революция с другой, централизм и децентрализация. Сейчас мы период децентрализации проходим, сейчас все из кандидатов в президенты говорят, что надо навести порядок, восстановить управляемость страной и так далее. Поэтому, независимо от того, кто придет: коммунисты ли, Жириновский ли, Брынцалов ли, любой новоявленный вождь — он должен будет начать с того, что установит централизацию и потихонечку все наши демократические мечтания и метания будут направлены в новое русло.

С.А. Зюзин, зам.редактора газеты «За науку»:

— То есть, даже если Ельцина переизберут на второй срок, будет то же самое?

Отв.: Разумеется. Потому что вот эта всеобщая анархия окончательно дискредитировала идею демократии.

Н.П. Коробкова, доц. АГУ:

— Вы определили, что Сталин — верный ученик Ленина. А как соотносятся Ленин и Сталин с Марксом?

Отв.: На эту тему писал в 1921 году эсер Чернов в книге «Карл Маркс и русские революционеры», что весь марксизм стоит на двух основаниях: первое — любовь к Великобритании, Франции и другим странам, откуда Маркс черпал положительные примеры, и второе — страх и ненависть к России. Маркс считал, что Россия — это страна, в которой абсолютно не применимы его идеи. Например, отца русской демократии А.И. Герцена Маркс назвал негодяем. А когда Ленин начал идеи Маркса применять в России, то он вынужден был исказить марксизм. Какой здесь мог быть марксизм, если 85% населения — крестьянство? Поэтому выражение «марксизм-ленинизм» для многих уже в 20-х годах было абракадаброй.

Страница 7

А.Бетмакаев, к.и.н., доцент АГУ Левые партии в посткоммунистической Центральной и Восточной Европе: Обновление или преодоление коммунизма?

После крушения в регионе в конце 80-х гг. коммунистических режимов, казалось, что левые силы потеряли последние шансы на возможный приход к власти в условиях демократического развития стран Центральной и Восточной Европы. Однако, в ходе осуществления задач перехода от тоталитаризма к демократии после триумфа правых сил спустя несколько лет к власти стали возвращаться бывшие коммунистические партии. Выделяют несколько причин возвращения к власти бывших коммунистов. Это — высокая социальная цена экономических реформ, оплаченная, в основном, потерей прежнего жизненного статуса значительными группами населения. Это — широкое неприятие рыночных реформ и желание изменить государственную политику в сторону усиления социальной роли государства. Это — сохранение высокоорганизованного и компетентного партийного аппарата, имеющего прочные связи с профсоюзным движением. В культурном плане это — стремление людей старшего возраста сохранить прежние духовные и идеологические ценности, разрушаемые политикой Перехода. В настоящий момент можно говорить о наличии двух основных типов левых партий в ЦВЕ.

Первый тип, который условно можно назвать «посткоммунистическим», связан с преодолением коммунистического прошлого, с попыткой создать обновленные партии на основе опыта западной социал-демократии. К «социал-демократизированным» партиям в ЦВЕ можно отнести Партию труда Литвы, Венгерскую социалистическую партию (ВСП) и Социал-демократию Республики Польша (СДРП), которые в течение 1993–1995 гг. контролируют исполнительную и законодательную власть.

Второй тип, который условно можно назвать «неокоммунистическим», связан с мифологизацией коммунистического прошлого, с попыткой создать обновленные коммунистические партии на основе соединения традиционной коммунистической доктрины с националистическими лозунгами. К таким партиям следует отнести в первую очередь Коммунистическую партию Российской Федерации (КПРФ), Компартию Белоруси и Социалистическую партию Украины, которые контролируют в настоящее время представительную власть.

Первое качественное отличие российской компартии от польских и венгерских посткоммунистов, которое сразу же бросается в глаза наблюдателю, это — отношение к государству. Центральноевропейские социалисты уверено двигались от тоталитарного прошлого, провозгласив приоритет общества и гражданина над государством.

Они ориентируются в своей практической деятельности на создание социально ориентированного рыночного хозяйства с неременным признанием частной собственности, в т.ч. и на землю. Благодаря в первую очередь поддержке СДРП польский сейм утвердил широко-масштабную программу «малой приватизации» летом 1993 г. В феврале 1996 г. правительство объявило о намерении форсировать приватизацию крупных предприятий. При правлении социалистов и либералов Венгрия добилась самой низкой инфляции за все время экономических реформ, и вслед за Чехией была принята в ЭСР.

Напротив, КПРФ стремится возродить в России сильное централизованное государство, которое должно регулировать экономическое развитие, сильно ограничивая рыночные отношения. Вместо приватизации коммунисты предлагают провести ренационализацию, они крайне невнятно толкуют о своей позиции в отношении права частной собственности. Вместо борьбы с инфляцией в рамках политики «жесткой экономии» они предлагают вернуться к практике административного контроля за ценами, а также обещают раздачу щедрых субси-

дий убыточным производствам, ВПК, аграрному сектору. Вместо обеспечения свободы выражения интересов экономических и социальных групп населения они предлагают обеспечение порядка и дисциплины под знаком всемогущего государства. Абсолютизация государства пронизывает и предвыборный лозунг Г.Зюганова «Россия, Родина, Народ». При этом интересы России, особенно во внешнеполитической сфере, коммунисты видят в проведении исключительно антизападного курса.

И в этом — второе основное отличие российских коммунистов от центральноевропейских социалистов. И Венгрия, и Польша решили «вернуться в Европу», что означает их вступление в Европейский Союз и НАТО. Они создают льготные условия для привлечения иностранного капитала, рассматривая приток зарубежных инвестиций как предпосылку обновления экономических структур и включения своих стран в мировой рынок. Венгрия является лидером среди восточноевропейских стран по этому показателю: в ее экономику уже вложено почти 9 млрд. американских долларов (около 40 процентов инвестиций в бывших социалистических странах), в то же время в российскую экономику 4,4 млрд. Западных инвесторов пугает политическая нестабильность, которая во многом определяется конфронтационным настроением некоммунистов. Российские коммунисты предпочитают говорить о национальных источниках капиталов, рассчитывая, по-видимому, после прихода к власти изыскать их в ходе новой национализации. В иностранных инвестициях они видят в первую очередь угрозу национальной независимости России, рассчитывают возрождением автаркии отечественной экономики не только избежать зарубежного влияния, но и создать конкурентноспособную экономику.

В общественно-политической жизни центральноевропейские социалисты ориентируются на согласие (консенсус), не стремятся к какому-либо реваншу, к ревизии конституций, придерживаются прагматических подходов, чем сумели привлечь на свою сторону значительные слои избирателей. КПРФ же настроена на конфронтацию, на раскол общества, стремится к отмене нынешней Конституции России и демонстрирует приоритет идеологических подходов над прагматизмом.

В партийном строительстве ВСП и СДРП близки западной социал-демократии, подали заявление на вступление в Социалистический Интернационал. Венгерские социалисты уже имеют статус наблюдателя. КПРФ же построена на прежних организационных принципах, в первую очередь на принципе демократического централизма. Вместо стремления в Социал-интерн руководство КПРФ и его друзья в бывших республиках СССР пытаются сконструировать новый Коммунистический Интернационал реанимировать КПСС.

Очевидно, что различия между КПРФ, с одной стороны, и ВСП и СДРП, с другой стороны, носят принципиальный, качественный характер.

Эти различия проходят по линии тоталитаризм-демократия. Сильный националистический акцент программных установок и деятельности КПРФ дал основание ряду экспертов назвать эту партию национал-социалистической, что указало на близость КПРФ к таким партиям, как Социалистическая партия Сербии во главе со С.Милошевичем, как гитлеровская НСДАП. Если понимать национальное как государственное, то некоммунисты России весьма близки нацистам. Так, например, избирательный лозунг нацистов в начале 30-х гг. звучал так: «Народ, Рейх, Фюрер», что напоминает лозунг «народно-патриотической» коалиции во главе с Г.Зюгановым.

Среди важнейших факторов, определивших существование двух типов левых партий в посткоммунистической ЦВЕ, мы хотели бы выделить прежде всего «генетический код» партии. К примеру, нацеленность на осуществление реформ даже в рамках тоталитарной системы выгодно отличало венгерских коммунистов от коммунистов Советского Союза, которые мыслили более консервативно и в случае с отстранением от власти Н.Хрущева, и в отношении к «перестройке» М. Горбачева, когда КПРФ была создана как консервативная альтернатива, как оплот номенклатурного реванша. Коммунистическая партия Чехии, кон-

сервативное крыло которой в 1968 году фактически пригласило советских интервентов для ликвидации «пражской весны», не смогла в 1988–1989 гг. возглавить процесс реформ, оказалась на периферии политической жизни. Партия Демократического Социализма, созданная взамен восточногерманской СЕПГ, даже находясь в условиях развитой партийно-политической системы ФРГ, не в состоянии избавиться от сталинистского прошлого, когда в ее рядах действует группа молодых (!) сталинистов во главе с Сарой Вагенкнект.

В заключение отметим, что помимо двух основных типов партий существуют промежуточные (гибридные). Хотя мы и обращали внимание на сходные националистические установки партий России и Сербии, в последнем случае Социалистическая партия Сербии гораздо либеральнее относится к рыночной экономике, чем некоммунисты Зюганова, что во многом предопределено прежней политикой коммунистов Югославии по строительству «самоуправляемого социализма» в 50–80-е гг. Наличие двух основных, а также переходных типов левых партий в Центральной и Восточной Европе, сходно с ситуацией, которую можно наблюдать в западноевропейском коммунистическом движении. Одни партии в результате своей эволюции превратились в неосоциалистические (например, итальянская компартия, ставшая членом Социинтерна под названием Демократическая партия левых сил), другие остались на позициях «народного трибуна» (Французская компартия), третьи по-прежнему близки сталинистскому типу (компартии Греции, Португалии, Турции).

А.Е. Глушков, к.и.н., профессор АГУ К.Аденауэр и проблема перехода от тоталитаризма к демократии в Германии

Первый удар по национал-социалистическому режиму был нанесен державами антигитлеровской коалиции в результате военной победы над Германией. На Потсдамской конференции победители взяли на себя ответственность ликвидировать фашистскую систему государственного, политического, идеологического управления и создать условия для развития Германии по демократическому пути в период ее оккупации. Союзническая программа предусматривала роспуск центральных и местных органов государственной власти фашистской Германии, запрещение деятельности национал-социалистической партии Германии, ее филиалов и подконтрольных организаций, отмену всех фашистских законов, устранение нацистских и милитаристских доктрин из сфер образования, культуры, общественно-политической жизни. Все члены нацистской партии, которые являлись «больше чем номинальными участниками ее деятельности», удалялись с государственных и общественных постов, а также с постов в важных частных предприятиях.

Послевоенная Германия представляла собой «политический вакуум», поскольку в условиях фашистского режима не существовало никаких политических партий, кроме национал-социалистической. На Потсдамской конференции было достигнуто соглашение о том, что во всех оккупационных зонах будет поощряться и разрешаться организация и деятельность всех демократических партий. С лета 1945 года стали восстанавливаться и формироваться общественно-политические структуры, которые и должны были определить конкретные пути и формы строительства германской государственности. Наибольшую активность, особенно в советской зоне оккупации, проявили коммунисты и левые социалисты, которые объединились и создали новую партию под названием СЕПГ. Она приступила к созданию коммунистического режима в Восточной Германии под контролем СССР.

В западных зонах и победители, и побежденные были озабочены, с одной стороны, необходимостью формирования демократических партий, а, с другой стороны, — необходимостью «отражения атаки коммунизма» (К.Шумахер). Победила идея формирования «большой христианской партии» на межконфессиональной и демократической основе. Она получила название Христианско-демократический союз (ХДС).

Одним из организаторов и идеологов ХДС был К.Аденауэр, занимавший в 1946–1966 гг. пост председателя партии. В 1949–1963 гг. Аденауэр был федеральным канцлером. У Черчилль назвал его самым умным германским государственным деятелем со времен Бисмарка. В СССР Аденауэра называли «доверенным лицом германского монополистического капитала», «главой западногерманской реакции». Объективная оценка деятельности Аденауэра позволяет назвать его создателем ФРГ, ставшей одним из столпов западной демократии.

К.Аденауэр (1876–1967) пришел в большую политику Германии после первой мировой войны будучи одним из руководящих деятелей католической партии Центра.

Весной 1945 г. вместе с другими бывшими лидерами Центра Аденауэр высказался за создание «христианской партии», призванной исключить политические противоречия между католиками и протестантами. В августе 1945 г. он вошел в правление рейнской организации ХДС, затем был избран председателем правления ХДС английской зоны.

Уже летом 1945 г. Аденауэр выступил с основными тезисами собственной платформы. Доминирующая идея платформы заключалась в отрицании любой формы социализма и защите предпринимательской инициативы и собственности. Аденауэр убеждал своих коллег по партии, что национализация крупной промышленности приведет к созданию тоталитарного государства, которое является «ужасным жестоким работодателем». Одновременно Аденауэр поддержал идею создания «новой структуры индустриальной экономики», которая должна основываться на декартелизации, разукрупнении крупных промышленных объединений и концернов при сохранении частной собственности. Аденауэр высказался за создание в реорганизованных концернах наблюдательных советов с участием представителей профсоюзов и введение должности «социального директора».

Став лидером ХДС в английской зоне, Аденауэр повел энергичную борьбу против приверженцев «христианского социализма», вытесняя их с руководящих постов в партии. В июне 1946 г. зональное правление ХДС прямо запретило употребление социалистической терминологии в партийных документах и пропаганде. Окончательное поражение «христианского социализма» было связано с принятием ХДС неолиберальной доктрины «социального рыночного хозяйства».

В эти же годы складывались взгляды Аденауэра по проблемам германской государственности. Он был сторонником парламентской республики, организованной на принципах федерализма. Однако учитывая печальный опыт Веймарской республики, Аденауэр выступал за конституционное ограничение деятельности тех политических сил, которые были носителями тоталитарной идеологии. Отсюда идет его резко отрицательное отношение как к правому радикализму (фашизму), так и к левому (коммунизму). Именно эти принципы государственного устройства были заложены в конституцию ФРГ.

Конечной целью своей политической и государственной деятельности Аденауэр считал создание единой демократической Германии. Но эта деятельность, если сопоставлять стратегические установки с тактическими ходами, кажется парадоксальной. Он шел к единой Германии через ее раскол, через создание сепаратного западногерманского государства и интеграции его в западном альянсе, через конфронтацию с Советским Союзом и отклонение всех его предложений относительно воссоединения и нейтрализации Германии, через перевооружение. По убеждению Аденауэра, нейтральная Германия рано или поздно будет поглощена мощной коммунистической военной машиной — СССР. Это решило бы судьбу не только Германии, но и судьбу других свободных европейских государств. Аденауэр считал, что единство с Западом и решительная позиция силы должна побудить СССР сделать вывод: германскую проблему можно решить только мирным путем. В разгар «холодной войны» Аденауэр выступил за сближение европейцев, за объединенную Европу на демократической основе. Поэтому с первых послевоенных лет он жесткой рукой пресекал вспышки немецкого национализма, который был способен, по его мнению, оторвать Германию от западного альянса и воспрепятствовать европейской интеграции.

В начале 50-х гг., уже будучи канцлером ФРГ, Аденауэр произнес слова, которым тогда мало кто верил: «Решение германского вопроса может быть найдено параллельно с преобразованием Восточной Европы». Для этого объединенная демократическая Европа должна оказать влияние на внешнюю и внутреннюю политику СССР и его восточноевропейских сателлитов, добиться глобальной и европейской разрядки. Покидая пост канцлера в 1963 г., Аденауэр сказал

В.Брандту, председателю СДПГ: «Мы обращались с русскими неправильно. Мы должны говорить с ними». Современные политические процессы в европейских странах бывшего социалистического лагеря и СССР, существование мощного демократического и единого германского государства только подчеркивают правоту парадоксального пути преодоления тоталитаризма, предложенного Конрадом Аденауэром.

Страница 8

О.А. Аршинцева, к.и.н., доцент АГУ

Политические альтернативы тоталитаризму на Западе

Две причины, на мой взгляд, побуждают историка в нынешних условиях обращаться к изучению тоталитаризма: первая — не изжитая полностью опасность возврата нашего общества назад, к тоталитарной системе; вторая — актуальная задача преодоления тоталитарного прошлого во всех сферах общественной жизни. Решение этой задачи осложняется тем, что в историческом развитии России можно различить объективные факторы тоталитарной тенденции. Одним из них была сильная революционная — в противовес реформистской, эволюционной — альтернатива общественного развития. Не останавливаясь подробно, замечу, что высокая вероятность революционного ответа на «вызов истории», пользуясь определением А. Тойнби, сближала исторические судьбы России и Германии в первой половине XX в. Далекое не случайно, что в этих странах сложились разные по типу, но предельно схожие по природе тоталитарные системы.

Исследуя природу тоталитаризма, историк встает перед проблемой альтернативы тоталитаризму. Нет нужды говорить, что эта проблема является чисто академической. (В скобках замечу, что при решении подобных вопросов история как раз и может претендовать на роль наставницы жизни и опровергнуть расхожее мнение о том, что учит она только тому, что ничему не учит.) Изучая западную историю первой половины нашего столетия, можно условно определить два уровня проблемы: первый — альтернатива тоталитаризму в рамках западной цивилизации в целом; второй — внутренние альтернативы тоталитарному варианту развития тех стран, где он победил в 20–30-е гг.

Остановимся на первом. Наиболее сложной с точки зрения исторического выбора для западного общества была ситуация мирового экономического кризиса конца 1920-х — начала 30-х гг. Западные страны оказались перед лицом разных вариантов выхода из кризиса. Интересно сопоставить два противоположных пути преодоления кризисной ситуации: либерально-реформистский, получивший наиболее полное выражение в «новом курсе» американского президента Ф.Рузвельта, и реакционный, воплотившийся в тоталитарной системе германского нацизма.

К концу 20-х гг. США и Германия имели вполне сопоставимые уровни экономического развития, достигнутые в процессе предшествующей экономической модернизации, и внешне схожие либерально-демократические политические системы. При этом дальнейшие пути развития указанных стран оказались столь различными.

При внешнем сходстве политических систем США и веймарской Германии у них был разный «запас прочности». Многопартийная система Германии существенно отличалась от американской двухпартийной системы механизмом функционирования и содержанием. Веймарская республика частью унаследовала партийно-политическую систему Германской империи, которая не имела глубоких традиций представительной демократии и партий парламентского типа, ответственных за формирование и деятельность правительств. Партийно-политическая система веймарской Германии, сложившаяся в 1920-е гг., включала в себя партии не только парламентского типа, но и партии с достаточно широкой массовой базой, не обеспеченной парламентским представительством, с демагогическими и экстремистскими программами (национал-социалисты). Не имея реального противовеса в лице парламентских партий, они при этом имели формальную возможность прийти к власти парламентским путем, если в критической ситуации избиратели качнутся в их сторону, что и произошло в 1933 году.

Либералы и консерваторы не смогли оказать реального противодействия нацистам, так как в годы кризиса переживали процесс размывания своего корпуса избирателей (этот про-

цесс затронул даже самую массовую по числу избирателей либеральную партию Центра). Социал-демократия, хотя и имевшая достаточно широкую массовую базу и поддержку избирателей и мало потерявшая голоса в годы кризиса, не смогла в условиях формальной демократии противостоять нацистской партии легальными, парламентскими методами. Сказались и политические просчеты социал-демократов. Президентская власть в Германии была, во многом, пережитком авторитарного режима предыдущего периода Германской империи и в корне отличалась от американской системы с реальной властью президента, но и с реальным противовесом в лице законодательного Конгресса.

Иной была и американская партийная система. В США в силу политических традиций и характера политической модернизации за пределами парламентского представительства не было реальных политических сил, которые в критической ситуации могли бы воспользоваться непарламентскими методами захвата власти. Обе основные американские партии — республиканская и демократическая — имели каждая свой электорат, сложившийся в конце XIX в. и вполне устойчивый, а демократы сумели обрести и реальную программу выхода из кризиса и социально-политической стабилизации, получившую поддержку избирателей на президентских выборах 1932 г. Она учитывала интересы достаточно широких слоев населения, пострадавших от кризиса, и не покушалась на существующие политические институты. В рамках американской политической системы практически сложился механизм противодействия ее кардинальному изменению и ликвидации демократических институтов. В веймарской Германии подобный механизм, как мы видели, отсутствовал.

Таким образом, одна из причин выбора между демократией и тоталитаризмом крылась в степени зрелости демократических институтов, в их реальном содержании. К концу 20-х гг. нашего столетия американская политическая система прошла длинный путь в направлении реальной демократии и выдержала неоднократные проверки временем, что обеспечило ей стабильность. Германская веймарская демократия, возникшая в ходе революции на развалинах авторитарного кайзеровского режима в 1919 г., не выдержала резкой поляризации и радикализации общественно-политической ситуации в годы кризиса и рухнула, открыв путь тоталитаризму.

К.Н. Емешин, к.м.н., доцент, председатель Алтайской краевой организации партии «ДВР»

Тоталитаризм как мировоззрение

При рассмотрении «тоталитаризма», как правило, обсуждается тоталитаризм как система государственного и общественного устройства. В настоящем же выступлении хотелось бы сосредоточить внимание на несколько иных аспектах этой проблемы, а именно — мировоззренческих, которые характерны для таких субъектов мировоззрения, как «личность» и «социальная группа». Необходимо отметить, что например, великий гуманист Альберт Швейцер, отдавая приоритет такому подходу в своей книге «Культура и этика», подчеркивает: «Те, кто занимает общественные командные посты, могут реализовать только то, что имеется в мышлении эпохи».

В настоящее время уже можно проанализировать эволюцию становления тоталитарного государства по мере того, как формируется тоталитарное мировоззрение. Причем этот процесс, имеющий общие закономерности, характерен и для сталинского режима, и для фашизма в Германии и Италии. Хотелось бы отметить, что эволюция мировоззрения в сторону к тоталитаризму очень образно описана в художественных произведениях, классическим из которых является сказка английского мыслителя Джорджа Оруэлла «Скотский хутор».

Пожалуй, это художественное произведение лучше любого научного трактата иллюстрирует закономерности формирования тоталитарного мировоззрения. А возьмите известное произведение Михаила Булгакова «Собачье сердце», написанное еще в 1925 году, где также описано становление тоталитарного мышления.

Другим классическим описанием методов формирования тоталитарного мировоззрения являются произведения А. Солженицына, прежде всего «Архипелаг Гулаг». Достаточно вспомнить, как описаны «лагерные» приемы воспитания, когда людей загоняли в стесненные помещения. Так, например, заключенных перемещали в переполненных вагонах, либо содержали в переполненных камерах, где приходилось до 20 человек на одно помещение, и где неизбежно формировались иерархически организованные социально-психологические группы, и где кто-то выполнял функции «пахана», кто-то оказывался на нижней ступени иерархической лестницы. А возьмите такой метод тоталитарной системы, как использование «очереди» — посмотрите, как покорно люди сейчас стоят за своей пенсией на почте, причем это не считается унижением гражданина, а, наоборот, еще раз подчеркивает величие чиновника, который представляет государственную машину. Постепенно в нашем обществе сформировалось как бы «вертикальное» мировоззрение, которое хорошо выражается во фразе «Ты начальник — я дурак, я начальник — ты дурак». Если кто-то думает, что это уже пройденный этап, то это не так. Обратите внимание, насколько живуч подобный «вертикальный тип» мышления. Например, отношения «учитель-ученик» у нас строятся не как отношения двух равноправных личностей, а учитель играет роль «начальника», ученик — «подчиненного». В больнице сохраняется отношение между пациентом и врачом также по типу «начальник-подчиненный».

Могу привести еще примеры живучести подобного «тоталитарного мышления». Так, одной из черт подобного мышления является постоянное провозглашение вождями новых актуальных для этого момента лозунгов. Например, мне в своей жизни пришлось заниматься многими такими кампаниями: в вузе — проведением общественно-политической практики, а в здравоохранении — всеобщей диспансеризацией.

Но самая живучая черта «тоталитарного мировоззрения» — это попытки искать все время «вышестоящую и нижестоящую организации». Например, на комиссии по аккредитации и лицензированию медицинской деятельности постоянно задаются вопросы: «А кто у вас вышестоящая организация?», и многие не могут понять, как это у аптек нет таких начальников. Можно отметить, что сделаны серьезные заделы по отходу от тоталитарного мировоззрения — это прежде всего новая Конституция, новый Гражданский Кодекс, присоединение России к Совету Европы, альтернативные выборы и т.д. Однако, это еще только первые шаги.

Анализ программ кандидатов в Президенты России показывает, что программа Г. Зюганова следует традиционной тоталитарной логике и опирается на тоталитарное мышление, которое сохранилось в сознании и поступках даже тех кандидатов, которые называют себя демократами.

Предвыборные заявления Зюганова, КПРФ и левого блока базируются на принципах тоталитарного мышления. Возьмите хотя бы название программы «Россия, Родина, народ», или фразу из этого документа: «Исторические и геополитические особенности нашего Отечества предопределили важнейшую роль государства. Больше некому взять на себя заботу об оборонной промышленности, энергетике, транспорте, связи, окружающей среде и многом другом...».

Учитывая некоторую инерционность изменений в сознании, партия ДВР в своей повседневной работе постоянно борется против формирования тоталитарных элементов в общественном мышлении.

Наши главные принципы: антимилитаризм, приоритет прав гражданина и личности, защита частной собственности, противодействие любым формам репрессий против личности.

Подводя итоги нашего исследования, хотелось бы в заключении, на основе изученного и проанализированного материала, сделать несколько выводов общего и конкретного характера, учитывая цель, поставленную в самом начале работы.

В целом, на сегодняшний день можно говорить о том, что степень проявления развлекательно игрового начала в СМИ имеет тенденции к своему росту. Об этом свидетельствуют следующие факты:

- а) рост количества развлекательно-игровых программ,
- б) рост эфирного времени, занимаемого развлекательно-игровыми программами,
- в) рост доходов от рекламы и средней цены одной рекламной минуты в развлекательно-игровых программах,
- г) рост среднеарифметического количества транслируемых развлекательно-игровых телепрограмм и, как следствие, среднеарифметического эфирного времени.

Если рассматривать значение развлекательно-игровых программ, исходя из установленных нами функций, то можно сделать выводы, что несмотря на непродолжительное свое существование:

а) развлекательно-игровые программы заняли достаточно прочное место в жанровой палитре СМИ, на сегодняшний день они являются одним из основных источников финансирования СМИ, поскольку по своей популярности среди зрителей и рекламодателей они превзошли программы, выполненные в других жанрах,

б) развлекательно-игровые телепрограммы СМИ играют большую роль в формировании стереотипов массовой культуры, поскольку они во многом определяют уровень интеллекта, круг интересов и глубину познаний современного поколения,

в) развлекательно-игровые программы, выполняя компенсаторскую функцию и функцию эскейпизма, сглаживают повседневную реакцию населения на тяжелое экономическое и политическое положение в стране.

Кроме этого, нам удалось установить природу происхождения развлекательно-игровых программ. Большое влияние на их формирование оказали начальные формы игры с элементами состязания, начальные формы массовой культуры с элементом кокурентноспособности. Именно состязание с силами природы (с роком) и конкурентноспособность массовой культуры сформировали, на наш взгляд, новую форму творчества массовой культуры — развлекательно-игровые телепрограммы.

С помощью сравнительного анализа конкурентной борьбы «горячих» и «холодных» печатных СМИ в эпоху становления массовой культуры и конкурентной борьбы «горячих» и «холодных» телепрограмм в эпоху их становления, мы сделали вывод, что «горячие» игры сравнялись на сегодняшний день по количеству эфирного времени с «холодными», и, что существуют тенденции к увеличению эфирного времени «горячих» программ, что свидетельствует об их ведущем положении в общем разряде развлекательно-игровых программ.

И наконец, мы выдвинули новую, на наш взгляд, вполне приемлемую классификацию развлекательно-игровых программ, которая, наряду с традиционной, имеет полное право на существование. Эта классификация основана на теории «горячих» и «холодных» средств массовой коммуникации, выдвинутой в свое время канадским профессором Торонтского университета Маршаллом Маклюэном. Наша классификация основана на элементе предельной информативности, т.е. момента, когда в самом вопросе заложен ответ, или его необходимо выбрать в ряду нескольких вариантов ответа.

В итоге, хотелось бы обратить внимание на тот факт, что развлекательно-игровые программы ждет большое будущее. Например, в США, где история существования массовой культуры значительно старше, развлекательно-игровые телепрограммы занимают второе место по популярности среди населения после политических. Теперь, в сложившейся развлекательно-игровой структуре в СМИ, когда есть противостояние «горячих» и «холодных» телеигр, многое будет зависеть от того, в какую интеллектуальную сторону отклониться это направление. Если телеигры станут сложнее («холоднее»), то во многом по потеряют интерес у массового зрителя, но развлекательно-игровые программы могут скатиться и до уровня анкетного опроса, став еще «горячее».

М. Гундарин, преподаватель кафедры журналистики ФФиЖ АГУ СМИ как социальный институт, противостоящий тоталитаризму

На рубеже 80-х — 90-х годов многие теоретики спорили, какой будет система СМИ в демократическом обществе. Старая система партийной советской прессы уже переставала существовать. И все сходились на том, что нужно искать новый образ СМИ на путях плюрализма. Плюрализм здесь понимался не упрощенно, как просто разномыслие, а в форме признания динамических конфликтов, динамических противоречий как необходимого условия развития общества. Эти конфликты и противоречия как раз и снимаются при помощи СМИ. Последние, по мысли тогдашних теоретиков, превращаются в мощный оплот демократии.

Что же могут дать СМИ сейчас, в середине 90-х годов? Не вдаваясь в подробности, можно сказать, что отдельным независимым социальным институтом, имеющим значение, свой вес в обществе, четвертой властью наши СМИ так и не стали. И сейчас их положение на политической арене в достаточной степени жалкое.

Можно сказать, что из сообщества социал-органического наши СМИ превратились в атомарное. Почему так произошло? В силу тех или иных условий наша пресса не добилась финансовой независимости, по-прежнему наши СМИ вынуждены оглядываться на начальство, на власти. Даже информационный капитал, который в региональных условиях не появился и вряд ли появится в ближайшем будущем, он тоже оглядывается на власть. Поэтому максимальная степень свободы наших региональных СМИ — это не ссориться с властями, а минимальная степень свободы — всячески выслуживаться перед начальством. Но дело в том, что, хотя и можно сослаться на некие объективные экономические условия, наши СМИ не используют даже те возможности, которые у них есть. Один из теоретиков отечественной журналистики профессор Прохоров во время одной дискуссии выдвигал совершенно справедливую мысль, что осуществление плюрализма может осуществляться через теологические отношения. Он выделял два типа диалога, возможных в СМИ. Это диалог внешний и диалог внутренний. Диалог внутренний — это представление на страницах того или иного издания различных точек зрения, может быть самых противоположных. Диалог внешний — это корреспондирование, споры, просто замечания иных изданий.

В ходе исследований, которые проводились на кафедре журналистики нашего университета, выяснилось, что в местных СМИ нет ни внешнего, ни внутреннего диалога. Мы не встретим на страницах ни одной из наших газет каких-то присутствующих рядом противоположных точек зрения. Наши газеты как бы не замечают одна другую. И видится, что тут большая ошибка наших демократических властей, которые говорят о том, что тоталитаризм страшен и ужасен, но ничего не делают, чтобы в этом смысле застраховаться.

Вспоминая известную пословицу, можно сказать, что если установится тоталитарное правление, то не нужно будет затыкать голоса СМИ, у них будет один голос, голос, привыкший петь со слов начальства. Нынешние власти, в том числе и местные, подготовили все, чтобы пришедшие им на смену другие власти направили СМИ по хорошо известному руслу. И, разумеется, ни о какой гарантии от тоталитаризма мы не можем говорить. СМИ готовы сегодня встать под любые знамена. С этим нужно считаться, это нужно учитывать.

Что можно почитать о тоталитаризме?

- Арендт Х. Вирус тоталитаризма // Новое время. 1991. N 11.
- Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993.
- Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
- Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992.
- Железнякова М.С. Борьба с тоталитаризмом: необходимость или безумие? // Вестник Челябинского ун-та. Серия 1. История. 1991. N 2.
- Ильин И.А. Наши задачи. Т. 1. М., 1992.
- Игрицкий Ю.И. Концепция тоталитаризма: Уроки многолетних дискуссий на Западе // История СССР. 1990. N 6.
- Мировое политическое развитие: век XX / Н.В. Загладин, В.Н. Дахин, Х.Т. Загладина, М.А. Мунтян. 2-е изд. М., 1995.
- Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. М., 1989.
- Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1–2. М., 1992.
- Серебряный С. Тоталитаризм // 50/50: Опыт словаря нового мышления / Под общ. ред. М. Ферро и Ю.Афанасьева. М., 1989.
- Сумбатов Ю.Г. Тоталитаризм как категория политической социологии // Социс. 1994. N 1.
- Тоталитаризм как исторический феномен: Сб. статей / Под ред. А.А. Кара-Мурзы и А.К. Воскресенского. М., 1989.
- Тоталитаризм, авторитаризм и демократия в глобальном контексте: «Круглый стол» // Латинская Америка. 1990. NN 1–3.
- Тоталитаризм и социализм / Отв. ред. В. П. Перевалов. М., 1990.
- Тоталитарная система в СССР. История и пути преодоления: Указатель книг и статей на русском языке за 1988-й — первую половину 1992 г. М., 1992.
- Хайек Ф.А. Дорога к рабству. М., 1992.

Содержание

Страница 1

Ю.Г. Чернышов., д.и.н., профессор АГУ, директор АШПИ

Вступительное слово: Что такое «тоталитаризм»?

В.И. Киселев, д.м. н. проф., директор НИИ региональных медико-экологических проблем,
руководитель общественно-политического движения «Согласие»

Тоталитарное мышление

Приложение

Что такое «тоталитаризм»?

Страница 2

А.Н. Сарычев, государственный советник юстиции 2 класса, начальник управления

Министерства юстиции РФ

Эволюция судебной системы в России

В.Л. Миронов, д.ф.-м.н., профессор, член-корр. РАН, ректор АГУ

Некоторые демократические аспекты реформы высшего образования в России

Страница 3

С.Г. Потапов, к.э.н., исполнительный Директор Западносибирского центра приватизации
по Алтайскому краю, председатель движения «Наш край — Алтай»

Экономические основы тоталитаризма: диалектика развития

Страница 4

М.С. Капранов, протоиерей Русской православной церкви

Православная церковь и советское государство

в послесталинский период

Страница 5

А.И. Колобова, к.и.н., профессор, зав.кафедрой организации предприятий АПК АГАУ

Российский аграрный вопрос и попытки его решения

в условиях тоталитарной системы

Е.В. Притчина, к.и.н., доцент АГУ

Политическая социализация молодежи: от тоталитаризма к демократии

Страница 6

Н.А. Упоров, старший преподаватель АГУ
Попытки реформ в странах Восточной Европы
(50-е — 60-е гг.)

Ю.С. Дьяченко, старший преподаватель АГУ
Сталинизм как теория и практика
социалистического строительства в СССР

Страница 7

А.Бетмакаев, к.и.н., доцент АГУ
Левые партии в посткоммунистической Центральной и Восточной Европе:
Обновление или преодоление коммунизма?

А.Е. Глушков, к.и.н., профессор АГУ
К.Аденауэр и проблема перехода от тоталитаризма к демократии в Германии

Страница 8

О.А. Аршинцева, к.и.н., доцент АГУ
Политические альтернативы тоталитаризму на Западе

К.Н. Емешин, к.м.н., доцент, председатель Алтайской краевой организации партии «ДВР»
Тоталитаризм как мировоззрение

М. Гундарин, преподаватель кафедры журналистики ФФиЖ АГУ
СМИ как социальный институт,
противостоящий тоталитаризму

Что можно почитать о тоталитаризме?